

Алексей Борисович Курлов
Вячеслав Константинович Петров
Методология
информационной аналитики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21552468

Издательство «Проспект»; 2014

ISBN 9785392162765

Аннотация

Рассматриваются теоретические основания информационной аналитики как средства познания социального мира и, одновременно, инструмента преобразующей деятельности человека мыслящего – способного увидеть проблему и решить ее. Осуществляется онтологический анализ феноменов информационных взаимодействий, коммуникационного пространства и социальной информации. Раскрываются особенности процесса движения от продуктивного мышления к позитивному результату действия в современной инновационной среде. Книга адресована ученым и специалистам, занимающимся аналитикой в теоретической и прикладной сферах; студентам и аспирантам, изучающим философские основания проблем инновационного познания и менеджмента, а также всем интересующимся принципами получения объективных знаний и методами преобразования современного социального мира.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	10
Глава 1	15
§ 1. Становление аналитики как инструмента практической философии	15
§ 2. Технологизация социального пространства как фактор становления информационного общества	58
§ 3. Управление инновациями в фокусе современной аналитики	88
§ 4. Институциализация системы современной информационно-аналитической деятельности	109
Глава 2	131
§ 1. Понятийный аппарат и базовые постулаты информационной аналитики	131
§ 2. Методологический субстрат информационно-аналитической деятельности	159
Конец ознакомительного фрагмента.	162

А. Б. Курлов, В. К. Петров
Методология
информационной
аналитики
Монография

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

В этой книге Вам предлагается системное изложение теоретических оснований современной информационно-аналитической деятельности как мощного средства познания окружающей нас «второй природы» и одновременно – инструмента социального преобразования действительности. Причем основной акцент мы делаем именно на *основаниях* аналитики – *базовых методологических положениях*, обуславливающих научно обоснованное понимание существа сложных явлений и процессов, происходящих на различных уровнях современной организации социального бытия. Кроме того, мы попытались адаптировать часть материалов этой монографии под *решение проблем управления, осуществляемого на основе информации*, подчеркивая тем самым чрезвычайную важность вопросов, связанных с оптимальным согласованием разнонаправленных интересов различных субъектов социального действия в целях гармонизации общества и различных его модулей.

Таким образом, мы претендуем на раскрытие обеих компонент методологии информационной аналитики: *теоретической*, которая формируется на основе философского «Гносео-Логоса» и стремится к созданию модели оптимального (идеального) знания, и *практической*, ориентированной на

решение проблем целенаправленного преобразования мира, разрабатывая принципы, алгоритмы и программы достижения целей, реализуемых в комплексе обстоятельств современной социальной реальности.

Означенные научные предпочтения авторов и обусловили жанровый формат предлагаемой книги – *практическая философия*, статус которой определен фундаментальной позицией, вследствие которой мысль и ее аргументация может и должна непосредственно влиять на действия человека, рационализировать их в процессе целедостижения. Предметной сферой этой философии являются проблемы гармонизации человеческого действия как в познавательной, так и практически преобразующей сферах. Она включает в себя также и моральную интенцию человеческого действия, которая, в терминах И. Канта, предполагает получение объективного ответа на вопрос: что я должен делать, какие средства использовать, на какой фундамент опираться в познании и преобразовании действительности? Именно поэтому практическая философия несет такие знания, которые помогают «...сеятелю, ибо они не бесплодны, в них есть семя, которое родит новые речи в душах других людей, способные сделать это семя плодородным, а его обладателя счастливым настолько, насколько может быть человек»¹.

Эта идеология является стержнем наших теоретических изысканий, в которых кульминируются проблемы познания и преобразования современной реальности с использованием

ем ее базового ресурса – информационного.

Все представленные здесь методологические положения прошли многократную апробацию и подтвердили свою теоретическую обоснованность. На их основе был разработан широкий спектр теоретико-методологических и прогнозных моделей развития социальных объектов. Были созданы многочисленные алгоритмы конструирования общественных процессов и явлений, а также технологии социально-коммуникационного менеджмента, применяемые на различных уровнях организации социума. Некоторые из этих разработок нашли отражение в ряде других научных публикаций авторов этой монографии².

Материал, представленный в этой книге, на наш взгляд, должен доказывать, в частности, тот факт, что поток инноваций современного мира уже сейчас захлестывает человека, не успевающего приспособиться к ним, ибо он занял пассивную позицию, которая отнюдь не способствует развитию его адаптивного, а следовательно, и деятельностного потенциала. Этой книгой мы обращаемся не к праздно любопытствующим и часто скупающим людям, которым рекомендуем не утруждать себя и продолжить исследование возможностей собственного гипофиза. Эта книга адресована тем, кто ищет и находит, кто пытается осознать специфику современной мозаичной действительности и самоутвердиться в ее структурах, используя весь потенциал своей социальности – арсенал инструментальных знаний, личностные пози-

ции культуры и духовности, отраженные в результатах его познавательной и преобразующей деятельности.

Такая адресная направленность представляемой книги является, по нашему мнению, вполне оправданной, ибо под результатами информационно-аналитической деятельности мы понимаем только такие формы реорганизации модусов социального бытия, которые повышают потенциал саморазвития объекта и приводят к значительным изменениям в его содержании. Очевидно, что призывать к проявлению целосознанной инновационной активности человека, отягощенного лишь пассивным созерцанием, бессмысленно.

В этой книге мы попытались отказаться от принципов «цитатной науки», которая «ищет не там, где потеряла, а там, где светло». Это позволило, как нам кажется, несколько снизить фон неопределенности в процессе объяснения различных аспектов аналитической деятельности.

Но, развивая те или иные положения, мы отнюдь не претендуем на истину в последней инстанции. Имея определенную позицию, мы тем не менее продолжаем ставить перед собой множество вопросов, призывая специалистов к конструктивной научной дискуссии. В то же время нам не очень хочется вступать в бесконечный и совершенно бесплодный диалог с говорливой околонучной общественностью, представители которой, активно самоутверждаясь на фоне чужих идей, все в большей степени заполняют беспринципной эклектикой сферу научного логоса. В такой ситуации гибнет не

только истина, а сама возможность ее проявления.

Смеем надеяться, что заинтересованный читатель, погрузившись в материал этой книги, не только почерпнет здесь определенный объем актуальной информации, но и проникнется пафосом поставленных здесь проблем. Очевидно, что от формы их решения, характера дальнейших социальных преобразований напрямую зависит будущее каждого нас – будущее, которое откроет перед нами новые горизонты цивилизованного развития, или будущее без социального времени, наполненное экзистенциальным страхом. Безусловно, далеко не все, что происходит в нашей действительности, зависит от ученых, аналитиков и их разработок, но результаты их деятельности могут и должны стать серьезными аргументами и руководством к действию – эффективным средством решения многих острейших социальных проблем.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ощутимых противоречий общественного развития последних лет стало противоречие между достаточно высоким общим социокультурным потенциалом, сформировавшимся в обществе, и дефицитом интеллектуальных ресурсов – нехваткой высокообразованных профессионалов – аналитиков, способных к адекватным познавательным действиям и принятию эффективных ответственных решений. Среди множества причин, обусловивших такую ситуацию, одной из существенных является отсутствие новых серьезных методологических разработок в сфере социального знания и развития общественных систем и процессов. Это, безусловно, отражается на эффективности подготовки и результатах труда специалистов в области тех или иных направлений информационно-аналитической деятельности.

Когда же мы проецируем эти проблемы на сферу развития глобальной социальности, то последняя порой преподносит нам множество сюрпризов в виде стохастичности³ поля деятельности и различных форм неопределенностей, которые не удалось снять в процессе целедвижения. В этом случае сама социальность порой предстает в виде некоей агрессивной силы, поработощающей дух и деятельностные потенции человека. Но современный специалист может и должен противо-

стоять данной агрессии, более того, превращать ее в инструмент гармонизации бытия средствами продуктивной информационно-аналитической деятельности, основанной на инструментальном знании и этических императивах, позволяющих достигать консенсуса при согласовании разнонаправленных интересов субъектов социального действия.

Полагаем, что эта книга, в определенном плане, должна способствовать устранению указанного выше пробела и формированию актуальных методологических топосов в структуре профессионального мировоззрения аналитиков различного профиля и уровня⁴.

Необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что аналитика, как средство познания и, одновременно, инструмент создания технологий инновационного преобразования бытия, не может реализовать себя без и вне социальной информации. В противном случае теряется сам предмет аналитики, а, следовательно, и ее функциональность. По этим причинам аналитика не может не быть информационной, ибо является средством воспроизводства инструментальной (социальной) информации в форме новых знаний. Последние выступают необходимым и достаточным основанием для формирования идеологии и технологии инновационного преобразования бытия.

Таким образом, методологический арсенал средств информационной аналитики выступает *универсальным инструментом получения и удостоверения новых инструмен-*

тальных знаний, которые являются фактором последующей направленной реконструкции объекта – развития его параметрической и функциональной структуры. Но, очевидно, что для достижения этого результата необходимо стратегическое видение логики самого процесса познания, которое предопределяет некую последовательность шагов, обеспечивающих формирование комплекса объективной социальной информации и самого нового знания.

Эти и многие другие вопросы ставятся и раскрываются в данной монографии, общая логика и композиция которой такова.

Вначале мы определяем *интенциональную сферу* аналитики, кульминируя вопросы ее *направленности на определенный предмет*, и раскрываем содержание процесса ее становления в качестве главного инструмента практической философии. Далее мы рассматриваем понятийный аппарат информационной аналитики, сформировавшийся в структуре оснований практической философии. Здесь мы актуализируем значимость социокультурного подхода в процессе аналитических исследований различных проблем социума и последующего управления ими средствами коммуникационного менеджмента. В этой же главе мы презентуем прикладную методологию информационной аналитики, которая необходима, а в некоторых аспектах и вполне достаточна, для разработки конкретных информационных технологий социального управления.

Затем раскрываются основные положения общей онтологии объекта информационной аналитики. Здесь мы обосновываем тенденции динамики современного информационного взаимодействия и коммуникационного пространства, в которых позиционирует себя социальный фактор. Большое внимание уделяется рассмотрению феномена социальной информации и ее обоснованию в качестве субстрата субъект-объектных социальных взаимодействий и, одновременно, неисчерпаемого ресурса аналитической деятельности.

В процессе изложения материала мы пытались аргументированно обозначить актуальные топосы научного мировоззрения, благодаря которым возможна кристаллизация объективных знаний об общих и частных закономерностях бытия и аналитических инструментах его исследования.

Эти и многие другие положения, актуализированные позициями современной теории решения инновационных задач, являются необходимым условием для разработки адекватной современным реалиям идеологии аналитической деятельности и создания технологических средств управления различными проблемами во многих сферах преобразующей деятельности человека. Кроме того, в результате осуществленного в этой книге анализа оснований современной эпистемологии⁵ и эвристики⁶ появляется возможность не только философского обоснования алгоритма аналитических изысканий, но и выявления различных форм имитаци-

онной, в том числе и псевдонаучной, деятельности, которые приносят существенный дисбаланс в развитие общественных процессов, разрушая основы социальности современного человека.

Материал последующих глав адаптирован под решение более конкретных проблем. Здесь происходит детализация объекта рассматриваемой деятельности и раскрывается специфика различных его (объекта) уровней, а также обозначаются основные контуры проблемного поля и основные предметные ориентиры современной информационной аналитики.

Логическим завершением материала, представленного в этой книге, является раздел, в котором актуализируются современные проблемы нашего общества. Мы рассматриваем их через призму научно-практического потенциала информационной аналитики, который, по нашему убеждению, вполне достаточен для осуществления модернизационного прорыва и восстановления утраченного *status quo* в глобальном позиционировании российской социальности.

В завершение этой вводной статьи хочется выразить надежду на то, что предлагаемый материал внесет свою лепту в формирование гуманитарной методологии и культуры анализа разнонаправленных и не всегда функционально структурированных информационных и социальных отношений и процессов, бурно развивающихся в современном мозаичном мире.

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ АНАЛИТИКИ И ЕЕ ПРОБЛЕМНОЙ СФЕРЫ

§ 1. Становление аналитики как инструмента практической философии

Рассматривая аналитику в означенном выше контексте, необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что она выступает средством получения *инструментальных знаний*, главной функцией которых является целесознанное *практическое преобразование* человеком объектов второй природы в целях гармонизации различных форм и порядков социального мира. Именно поэтому мы и апеллируем к *практической философии*, которая *обращена к проблемам* организации, оптимизации и продуктивной реализации *человеческого действия*.

Значимость практической философии вытекает из того

фундаментального факта, что объективные инструментальные знания могут и должны непосредственно влиять на характер действия человека, его направленность на предмет, формировать оптимальную технологию целедостижения. По сути, такая философия кульминирует основную проблему предназначения человека действующего, которая в терминах Иммануила Канта (1724–1804) может быть выражена в формах ответа на вопрос: «Что я должен делать?». Но, в данном контексте, безусловно, с учетом классической моральной ориентации данного вопроса, он детализируется в следующем комплексе его импликаций: на что я должен направить свои усилия? как и с кем я должен действовать? какие средства использовать? как я смогу использовать полученный результат в будущем?

Другими словами, практическая философия должна указать, открыть субъекту те условия оптимального действия, которые позволят ему достичь определенного состояния гармонии. Истоки последней И. Кант видел в нравственности отношений и действий человека, которая предопределяет возможность благостного результата при ответе на вопрос: «на что я могу рассчитывать?». Но, по сути, если в категорическом послые Канта несколько изменить тональность обращения к абсолюту, то можно понять, что речь идет о формировании нравственной *социальности*, которая, безусловно, должна достигать определенных порядков *гармонии*, либо, по меньшей мере, иметь *эффективные механизмы согласо-*

вания разнонаправленных интересов людей – быть бесконфликтной, замиренной. Поэтому моральность общественных связей, отношений и действий всегда имела мощное критериальное значение для оценки уровня развития социальности человека действующего.

В связи с этим И. Кант и актуализировал роль практической философии, акцентируя внимание на субъекте – носителе нравственных качеств, обуславливающих степень его включенности в различные порядки социальной практики. «В конце концов, все сводится к практическому, и в этой тенденции всего теоретического в отношении его применения состоит практическая ценность нашего познания. Но эта ценность лишь тогда безусловна, когда безусловна цель, на которую направлено практическое применение знания. Единственная безусловная цель, к которой должно относиться все практическое применение нашего познания, есть нравственность, которую мы называем поэтому просто, или абсолютно, практическим (социальным). И та часть философии, которая имеет предметом моральность, должна быть названа, поэтому практической философией...»⁷. Именно практическая философия является основанием любого действия индивида, ибо вплетает его в структуры ассоциированной деятельности, составляющие базу любого социума. Это означает, что и социальная философия тоже входит в структуру практической сферы философского логоса, равно как и аксиология, этика и эстетика.

Итак, теоретическая и практическая философия – это различные части философского знания. Практическая философия содержит знания-инструменты, а теоретическую философию составляют знания-описания и представления. Практическая философия есть генетически первичная форма философии, тогда как теоретическая вторична по отношению к ней. Примат практической философии над теоретической, генетическая зависимость и обусловленность содержания теории от задач практики являются закономерностью историко-философского процесса. Сколь ни сложна была бы теоретико-философская надстройка, в конечном счете, она функционирует как инструмент обеспечения базисной философской практики⁸.

Кроме того, философия способствует, прежде всего, постановке новых проблем на стыке разных наук и сфер человеческой культуры и деятельности. В этом и заключается ее интегративная, синтетическая функция в науке и обществе. Философия выполняет также свою аналитическую, исследовательскую функцию в широком значении этого понятия. Данная функция может быть охарактеризована также как методологическая, связанная с анализом путей познания и действия, методов и логических форм. Наконец, все большее значение в современных условиях приобретает ценностно-регулятивная, аксиологическая функция практической философии, состоящая в соотнесении целей и путей познания и действия с гуманистическими идеалами, в их со-

циально-этической оценке⁹.

Таким образом, отнюдь не потребность в спекуляции, а именно практические соображения побуждают человеческий разум выйти из своего круга и сделать шаг в сферу практической философии, чтобы получить здесь сведения и ясные указания относительно источника своего принципа действия и истинного назначения этого принципа в сопоставлении с максимами, которые опираются на потребности и склонности человека. Это должно помочь ему выйти из затруднительного положения и избежать опасности лишиться всех подлинных принципов из-за неопределенности, в которой он легко может запутаться¹⁰.

Следовательно, *практическая философия* выступает в качестве главного средства снятия, преодоления неопределенности в процессе человеческой деятельности, определения ее целей и технологии целедостижения, что с очевидностью требует постоянного *уточнения знания о предмете субъектной деятельности*.

В рамках нашего монографического исследования мы актуализируем именно указанную выше функцию практической философии, ибо *получение нового инструментального знания, выступающего в качестве главного инструмента преобразующей деятельности современного человека*, предполагает использование всего *методологического арсенала аналитики*. Последний достаточно обширен и включает в себя широкий спектр подходов и методов – от основоположе-

ний трансцендентального познания через принципы постижения предмета в интенции и создания его (предмета) информационных, поисковых моделей, до методов вычерпывания эмпирических данных из структуры предмета и разработки технологий упреждающего управления возникающими проблемами.

В связи с этим возникает вопрос определения статуса предмета аналитики, рассматриваемой в качестве главного средства развития практической философии.

Итак, отнюдь не каждое сущее изначально является предметом познания. Оно также существует, не являясь объектом человека познающего, до тех пор, пока не становится познанным¹¹. Именно тогда это сущее и становится предметом аналитики. Предметное бытие вообще – это лишь внешняя характеристика сущего как такового. Только для человека оно является чем-то существенным, ибо имеет выраженное практическое значение, открывающее некие перспективы развития предметно-деятельностной практики в дальнейшем. При этом, «трансцендентальная» проблема познания не затмевается и даже не отодвигается на второй план предметно-практической, а подхватывается ею в полном объеме и подвигается к решению с использованием аналитических средств, ибо предметная деятельность субъекта является лишь интенцией на нечто реальное. Она (деятельность) не перестает быть таковой и после получения реального результата, так как этот результат сразу же становится предметом

последующих преобразований, интенционально осмысленных субъектом.

При этом очевидно, что познание, использующее весь арсенал средств аналитики, и последующая предметно-практическая, преобразовательная деятельность представляют собой перманентный процесс. Каждый из его циклов состоит как минимум из следующих четырех фаз:

- проявление некоего феномена;
- актуализация проблем, связанных с этим явлением;
- становление интенции (предметной сферы) исследования, формирование системы научных представлений о предмете (концепция), аргументированное обоснование форм позиционирования предмета в структуре объекта и выделение структурообразующих признаков объекта (теория);
- предметно-практическая деятельность, направленная на оптимизацию позиционирования предмета в структуре объекта.

По крайней мере на двух завершающих этот цикл фазах будет востребована аналитика как средство получения инструментальных знаний и, одновременно, как мощный инструмент формирования информационной ресурсной базы, необходимой для создания технологий упреждающего управления проблемами в процессе предметно-практической деятельности человека.

Становление и развитие инструментария аналитики имеет долгую историю и процесс наращивания его потенциа-

ла бесконечен, как бесконечен процесс познания человеком бесконечной сложности мира и опредмечивания его модулов. Но сейчас можно с уверенностью сказать о том, что благодаря использованию методов аналитики были созданы не только эффективные технологии предметно-практической деятельности людей, но и сформированы масштабные инновационные теоретические конструкты, объективно представляющие сущность метаморфозно изменяющегося современного социального мира.

Именно эти конструкты и составляют структуру современной практической философии. Здесь мы апеллируем, прежде всего, к таким методологическим системам, как *аксиология, логика, праксиология, эпистемология, этика, эстетика* и др. Кроме того, серьезное инструментальное значение для *предметного анализа* различных проявлений современного социального бытия имеют следующие теоретические конструкты, обладающие высоким инновационным, эвристическим потенциалом: концепция постиндустриального или информационного общества (Даниэл Белл, Элвин Тоффлер, Ален Турен¹² и др.), общества второй модернити (Зигмунд Бауман, Энтони Гидденс¹³) и примыкающие к ним концепции общества риска (Ульрих Бек¹⁴), общества спектакля (Э. Ги Дебор¹⁵), дисциплинарного общества (Мишель Фуко¹⁶), сетевого общества (Мануэль Кастельс¹⁷), общества потребления (Жан Бодриар¹⁸) и многие другие.

Теперь рассмотрим в ретроспективе процесс становления и наращивания методологического потенциала аналитики и одновременно попытаемся отразить этапы формирования некоторых основоположений практической философии.

Итак, разработка базовых правил получения нового знания принадлежит еще Аристотелю Стагирскому (ок. 384–322 гг. до н. э.). Они содержатся в его известных трудах – «Первая аналитика», «Вторая аналитика», «Метафизика» и других текстах «Органона» (греч. *organon* – «орудие», средство познания). Если в ранней «Топике» и иных трактатах Аристотель искал ответы на вопрос «Что анализируется?», то во «Второй аналитике» он раскрыл основы получения «выводного» знания. Он показал, что правильные рассуждения подчиняются небольшому числу законов, независимых от частной природы объектов. Аристотелю принадлежит и открытие первых трех законов формальной логики – тождества; непротиворечия и исключенного третьего, что имело не только важное методологическое, но и прикладное значение.

Закон тождества был им сформулирован в трактате «Метафизика»: «...иметь не одно значение – значит, не иметь ни одного значения; если же у слов нет значений, тогда утрачена всякая возможность рассуждать друг с другом, а в действительности – и с самим собой; ибо невозможно ничего мыслить, если не мыслить что-нибудь одно»¹⁹. Согласно этому закону, любая мысль (любое рассуждение) обязательно

должна быть тождественна самой себе, т. е. она должна быть ясной, точной, простой, определенной. Говоря иначе, этот закон запрещает путать и подменять понятия в рассуждении (т. е. употреблять одно и то же слово в разных значениях или вкладывать одно и то же значение в разные слова), создавать двусмысленность, уклоняться от темы и т. п.

Закон непротиворечия философ сформулировал следующим образом: «два противоположных суждения не могут быть истинными в одно и то же время и в одном и том же отношении»²⁰. Согласно этому посылу формально-логическое противоречие есть серьезная ошибка, несовместимая с логическим мышлением.

Формулировка закона «исключенного третьего» гласит: «из двух противоположных суждений, одно истинно, другое ложно, а третьего не дано». Данный закон дополняет «закон непротиворечия», но применим лишь в том случае, где при однозначности ситуации, имеется прямое отрицание одного понятия другим или косвенное отрицание дополняется достаточно обстоятельными комментариями; его назначение – устранение возникших противоречий.

В своих изысканиях Аристотель опирался на труды Демокрита, Платона, положения Сократа и других древнегреческих философов, но ему не удалось создать системы принципов мыследеятельности рассуждающего человека. Он не использовал в своих построениях понятия «логика» (от греч. *logos* – слово, мысль, речь, разум), он знал лишь прилагатель-

ное «логикос» («относящееся к слову»).

Подчеркнем, что Аристотель разрабатывал свою силлогистику именно как аналитику, как способ получения выводного знания на основе уже имеющегося. Употребляя слово «анализ», он понимал под ним разложение сложного на простое вплоть до далее неразложимых первоначал или аксиом. В «Риторике»²¹ он впервые говорит об «аналитической науке», как об универсальном методологическом инструменте познания. Но, значение трудов Аристотеля состоит не столько в описании и кодификации приемов анализа, сколько в том, что они сами стали объектом исследования, что ознаменовало собой начало формализации мыслительных процессов.

Исключительную ценность представляет его исследование доказательства, которое он привел во «Второй аналитике». *Доказать что-либо – значит связать необходимой связью то, что связано в самой действительности.* Для этого надо чтобы связь через средний термин была «правильной» (непротиворечивой). Однако для получения истины одной логической непротиворечивости мало. Требуется еще истинность посылок, в которых связь субъекта и предиката отражала бы связь, присущую самой действительности. При этом такая связь должна быть необходимой, т. е. выражать не случайные, а существенные зависимости.

Аналитика Аристотеля, в противовес «мнимой мудрости», выступает как средство анализа известного знания о

предмете, а также получения нового (выводного) знания о нем. Им впервые были открыты схемы рассуждения и умозаключения, которые он назвал «доказывающей (дедуктивной) наукой», аналитикой, а умозрения – «силлогизмами».

Аристотелю принадлежит и первенство в описании основных приемов поиска «подобного» и отличительного в знании, получения «соотнесенного» знания, построения утверждения, отрицания и противоречия, умозаключения в целом. Он показал, что «...всякое основанное на размышлении учение исходит из ранее имеющегося знания», а «... для решения проблем следует выбирать расчленения и деления...»²².

Идеи, изложенные Аристотелем в трудах по аналитике, в дальнейшем развивались его учеником Теофрастом (IV–III вв. до н. э.), его последователями – Андроником Родосским (I в. до н. э.), Александром Афродисийским (II–III вв. н. э.), Порфирием (III в. н. э.), Фемистием Пафлагонским (IV в. н. э.). Свой вклад в изучение и популяризацию этих идей внесли критик Хризипп (III в. до н. э.), биограф Диоген Лаэртский (III в. н. э.), а также различные переводчики и писцы.

Так, труд Порфирия «Введение в Категории Аристотеля» стал «учебником» в средневековой Византии и Западной Европе. Но значение трудов Порфирия этим не ограничивается. Истолковываемая «пять звучаний» – род, вид, отличительный признак, существенный признак и случайный признак,

он фактически заложил методические основы для информационного анализа. Например, им была предложена наглядная схема (известная как «древо Порфирия»), отражающая родовидовые отношения понятий в строгой иерархии. Через 16 столетий этот подход будет положен в основу десятичной классификации, дескрипторных словарей и анализа предметного поля объекта.

В начале VI века последний представитель античной философии и одновременно «отец средневековья» Боэций (Аниций Манлий Торкват Северин Боэций) написал комментарии к сочинениям Аристотеля²³, а также к трудам Платона, Порфирия и Цицерона, переведя их на латинский язык, что послужило толчком к дальнейшему распространению идей этих мыслителей²⁴.

Заметим, что Комментарии Боэция к «Категориям» Аристотеля, написанные около 510 г. н. э., входили в корпус логических сочинений, составляющих так называемую «старую логику» (*logica vetus*, или *ars vetus*). В Средние века это сочинение пользовалось огромной популярностью, о чем свидетельствует большое число (более трехсот) дошедших до наших дней манускриптов.

Именно раннее средневековье обогатилось бесценным опытом отбора и «свертывания» знания, столь важного для последующего развития информационной аналитики. В это время стали издаваться разного рода «компендиумы» – краткие энциклопедии, справочники, компиляции, бревиа-

рии (лат. *breviarium* – служебник). Вместе с тем стремительное распространение такого рода трудов имело и негативные последствия: они нередко вели к упрощению, компилятивности, догматизации, вольной трактовке авторского знания.

Для аналитиков большой интерес представляет принцип соединения «логоса» и «мифа» – логического и чувственно-го познания, введенный Боэцием. Благодаря этому посылу современный субъект познания получает возможность оптимально совмещать эти уровни анализа при решении профессиональных задач, ибо аналитик не может обращаться к самому объекту, исследовать его каким-либо образом, он может лишь сравнивать «тексты» об этом объекте через некие формализованные приемы. При этом возникает закономерный вопрос: можем ли мы вообще исключить профессиональную интуицию аналитика из его арсенала средств вычерпывания информации об объекте? Каким правилам должен следовать аналитик, чтобы не переступать границу верификации? Эти вопросы остаются чрезвычайно актуальными и сегодня.

К творчеству Аристотеля обращался и основатель арабоязычной логики сирийский математик Аль-Фараби (870–950), прокомментировавший весь аристотелевский «Органон». Его логика была направлена на анализ научного мышления. Аль-Фараби выделял в логике две ступени: одна охватывала представления и понятия; другая – теорию суждений, выводов и доказательств.

Весьма перспективными в плане оформления инструментария аналитики в частности, и наукообразования в целом были и программы Пифагора, стоиков и Платона, развивавших картину бытия-логоса, подпадающего под умозрение. В них содержался призыв подходить к вещам средствами одной мысли, не привлекая чувств, пытаясь уловить подробности бытия самого по себе, во всей его чистоте²⁵. Но, такой подход был полностью блокирован линией Аристотеля, настаивавшего на предметной стороне знания: обладание отвлеченным знанием в отсутствие опыта – влечет ошибки, ибо дело всегда приходится иметь с единичным²⁶.

Развивал эту эпистемологическую линию в тот период времени и известный таджикский мыслитель Ибн Сина (Авиценна) (980—1037). В работе «Логика» он также стремился обобщить аристотелевскую силлогистику, установить зависимость между категорическими и условными суждениями.

Принципиально значимый для становления аналитики методический шаг к новому знанию был сделан на заре Возрождения испанским философом и богословом Раймундом Луллийем (1233–1315). Из средневековых «реалистов» он занимал самую последовательную позицию в отождествлении порядка действительности с порядком логическим, доведя ее до панлогизма, тем самым опередив Гегеля на пять веков.

Луллий предпринял попытку изучения проблем логического следования путем моделирования операций с исполь-

зованием им же разработанной «системы концентрических кругов». Главную задачу он видел в том, чтобы научить людей выводить новые сочетания терминов на основе подобранных таблиц. Его заслуга состоит в том, что он сумел предвосхитить использование фасетно-блочного подхода в информационном анализе, впервые сделав акцент на поиск не просто выводного, а именно нового инструментального знания о мире.

Критики Луллия обвиняли его в механистичности философских суждений, и на долгие годы воззрения философа были незаслуженно преданы забвению. Только в XX в. его идеи об использовании трех кодировок (текст-картинка-схема) были взяты за основу разработчиками теории «уровней интеллекта», из которых наиболее близкими к схемам Луллия являются «Уровни бытия» («Спиральная динамика») Клера Грейвза²⁷ и «Теория уровней абстрактного интеллекта» (ТУАИ) Якова Фельдмана²⁸. Идеи Луллия просматриваются и в работах Генриха Альтшуллера – основателя «Теории решения изобретательских задач» (ТРИЗ)²⁹.

Значительно позднее подход Луллия будет использован Исааком Ньютоном при создании «предсказательных» таблиц, а Дмитрием Менделеевым при открытии Периодической таблицы. Современные аналитики станут широко использовать сопоставительные таблицы как одно из основных профессиональных средств.

Ревизия «предметных» порядков мысли, порожденной аристотелевской энтелехией³⁰, производилась одновременно с нескольких сторон благодаря усилиям мыслителей Нового времени, которые осуществили движение в сторону ее (мысли) распредмечивания, тем самым заложив основания символизма.

Так, эпистемологический урок Коперника (1473–1543) заключался не только в демонстрации того, что знание не есть непосредственная копия наблюдаемых данных в «живом созерцании» предметов и событий. Он показал также невозможность идентификации аппарата науки с объектами материального мира, ибо теоретические абстракции (модели) не могут быть изоморфны по отношению к каким бы то ни было естественным референтам.

Созданный Коперником прецедент породил убеждение в том, что наука невыводима из языка визуальных протоколов, она формируется не вследствие обобщения индуктивных опытных данных, а из построения теории. Этот посыл имел чрезвычайно важное гносеологическое значение, по сути, оформляя *методологию процесса выработки стратегий аналитических исследований*.

Благодаря такой «распредмеченной интенции», обнаружилось, во-первых, что теоретические структуры, умопостигаемая реальность не конструируется из опытных данных: знание не вытекает из опыта – в его создании используются свободно творимые (через процедуры анализа) понятия, при-

годность которых проверяется опытом *a posteriori*. Во-вторых, выявилось, что удаленность аналитических практик от непосредственного опыта является предпосылкой их автономного существования в рамках исследования. Накопление, расширение знаний здесь протекает как порождающий процесс, *a priori* превосходящий границы наблюдаемого³¹. Энтелехией здесь выступает сама гипотетика ожиданий, основанных на результатах априорного анализа, а не «внешнего оправдания». При ином положении дел вряд ли возможно будет определить какие-либо реперы будущего и упреждающе управлять его проблемами. В этом случае снимаются главные функции аналитики – прогностическая и управленческая, превращая ее лишь в средство регистрации и систематизации фактического опыта, который с очевидностью привязан к определенным условиям времени и места, и, потому имеет очень ограниченный инструментальный потенциал.

Галилей (1564–1642) усилил заложенную Коперником тенденцию разведения образов и объектов, содержательного строения знаков (категориальный язык анализа) и их связи с реальностью. Он выработал особую аналитическую тактику, предписывавшую проводить изучение не эмпирического, а как бы идеального, теоретического движения, описываемого аппаратом математики. Эта тактика буквально революционизировала не только сферу аналитики, но и гносеологии, показав инструментальную продуктивность метода идеаль-

ного моделирования действительности на основе ее логического предварения.

Характеризуя гносеологический метод Галилея, исследователи его творчества указывают на мысленный эксперимент как эпистемологическую технологию, существенно обогатившую арсенал аналитической деятельности. Главным в ней (технологии) является принцип интеллектуальной рационализации эмпирии – необходимость проникать в сущность, скрытую за существованием.

Следующей заметной вехой в развитии методологического инструментария аналитики в частности и практической философии в целом явились сформулированные Рене Декартом (1596–1650) в книге «Правила для руководства ума» основные принципы «рационалистического» метода, которые представляют собой практические императивы организации процесса предметного анализа:

- истинно то, что представляется ясным и отчетливым;
- сложное необходимо расчленять на частные проблемы;
- к неизвестному восходить от известного и доказанного;
- вести логическое рассуждение последовательно и без пропусков³².

Основываясь на этих императивах, Декарт осмысленно провел линию, которая вначале казалась странной, но по прошествии времен стала неукоснительной: «наш мир – это рациональная конструкция мира». Благодаря этим посылам и соответствующим аргументам Декарт последователь-

но оформлял практическую философию и методологию анализа, с помощью которой «...зная силу действия огня, воды, воздуха, звезд и прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем ремесла наших мастеров, мы могли бы использовать эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владельцами природы»³³.

Демонстрируя инструментальный потенциал рационализма Декарта, нельзя не заметить его же собственную оговорку: «...как бы господами» (!). Дело в том, что «...из разума родится не внешний, а внутренний мир»³⁴. В последнем, действуя без принуждения, мы свободны. В первом, действуя согласно социальной природе, мы зависимы. Поэтому, абсолютизация *ratio* при конструировании внешнего мира уничтожает мир *existence* – мир человеческий, в котором он (человек) теплит надежду обрести свободу («стать господином и владельцем природы»). Полагаем, что эта ремарка является чрезвычайно важной для анализа современных социальных проблем, ибо волюнтарное «рацио» насущной власти провоцирует уже сегодня все новые и новые пароксизмы отечественного бытия.

Рассматривая философские основания аналитики, имеющие и сейчас множество важных практических приложений, нельзя не отметить и результаты дискурса, проводимого в Новое время по вопросам организации познавательной деятельности и истинности получаемого знания.

Так, английский философ Френсис Бэкон (1561–1626) в своем труде «Новый Органон» представил основы индуктивной логики, которые, по мысли автора, должны были заменить «старые» аристотелевские положения канонического «Органона». Если прежние философы актуализировали в логике только средство проверки и обоснования истины, то Ф. Бэкон предложил использовать этот инструмент в качестве эффективного средства для осуществления научных открытий. Благодаря разработанной им методологии появилась возможность объективного выделения универсальных признаков предмета и осуществления движения от познания частного к общему знанию. Появление этого методологического конструкта существенно ускорило процесс развития естествознания в Европе XVII – XVIII веках.

Продолжателем философских и гносеологических изысканий Ф. Бэкона явился Томас Гоббс (1588–1679). Однако в отличие от его предшественника, обращавшего главное внимание на разработку индуктивных методов анализа, Гоббс сосредоточил свое внимание на осмыслении рационально-аналитических принципов получения нового инструментального знания. В своем труде «Левиафан» он разделил знание на два вида: знание, доставленное ощущением и памятью, дающее лишь знание факта, и научное знание, представляющее собой «знание связей и зависимостей фактов». При этом первое знание он называл «абсолютным», а второе – «наукой или условным знанием»³⁵. Исходя из это-

го, Гоббс вывел наличие двух граней познавательного процесса – чувственного отражения и рационального познания, где первая выступает в трех основных формах – в виде ощущений, восприятий и представлений.

Ощущения, восприятия и представления нередко искажают действительность, неточно и однобоко воспроизводят ее. Углубление познания, выделение объективного из того субъектно-объектного единства, которое дано на чувственном этапе познания, ведет нас к рациональному познанию (иногда его называют еще абстрактным или логическим мышлением). Это уже опосредованное отражение действительности. Здесь Гоббс тоже выделил три основные формы: понятие, суждение и умозаключение.

Несмотря на характерную для прикладной методологии познания Гоббса абсолютизацию законов логики, выдвинутые им положения существенно расширили теоретический арсенал аналитики и сегодня широко используются при решении задач систематизации и верификации различных информационных модулей.

Существенный вклад в формирование теоретической базы аналитики внес и Джон Локк (1632–1704), иногда называемый «интеллектуальным вождем XVIII века» и первым философом эпохи Просвещения. В центр философии он поставил теорию познания, которую выстроил в традиции английского эмпиризма и материализма Ф. Бэкона в противовес картезианству и схоластической философии.

В своих главных философских трудах («Опыт о человеческом разуме», «О пользовании разумом»³⁶) он писал о том, что не существует врожденных идей и принципов – ни теоретических, ни практических (нравственных) – все человеческое знание проистекает из опыта, а все идеи возникают из двух основных источников – опыта внешнего (ощущения) и внутреннего (рефлексии). По Локку, в основе знания лежат простые идеи, посредством соединения, сопоставления и абстрагирования которых разум образует сложные и общие идеи (модусы, субстанции и отношения), которые, в свою очередь, различаются на ясные и смутные, реальные и фантастические, адекватные своим прообразам и неадекватные. А познание реально лишь постольку, поскольку идеи сообразны с действительностью, а истина определяется как соединение и разъединение идей или их знаков подобно соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей. Отсюда и познание он делил на интуитивное (самоочевидных истин, нашего собственного существования), демонстративное (положений математики, этики, бытия бога) и сенситивное (существования единичных вещей). Последнее оценивалось им как наименее ясное и достоверное, что вносило в концепцию Локка явный рационалистический контекст.

Разработки Гоббса и Локка внесли огромный вклад в становление и развитие эпистемологии и формирование теоретических оснований современной аналитики, ибо определили основания для оптимальной координации и субордина-

ции процесса информационно-аналитической деятельности, формируя, одновременно, его [процесса] доказательную базу.

Существенный вклад в развитие рассматриваемого инструментария внес и Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), открывший четвертый закон формальной логики («закон достаточного основания») для нахождения эмпирических или случайных истин, который подготовил переход к созданию математической логики.

«Закон достаточного основания» фактически сводится к следующему требованию: всякое суждение, прежде чем быть принятым за истину, должно быть обосновано. Это означает, что при правильном рассуждении ничто не должно приниматься просто так, на веру. В каждом случае каждого утверждения следует указывать основания, в силу которых оно считается истинным. Как видим, этот закон изначально выступает как методологический принцип, обеспечивающий способность мышления поставлять основания к последующим рассуждениям. Ведь все, что уже корректно доказано, можно положить в основу последующих доказательств. Отсюда вывод: *достаточным основанием какой-либо мысли может быть любая другая, уже проверенная и признанная истинной.* Применение этого закона обеспечивает обоснованность аналитических выводов: во всех случаях, когда мы утверждаем что-либо, мы обязаны доказать свою правоту, т. е. привести достаточные основания, подтверждающие

истинность наших положений.

Свой вклад в развитие науки о мышлении внесли и российский ученые. Так, великий русский мыслитель Михаил Ломоносов, (1711–1765) в «Кратком руководстве к красноречию»³⁷ определил свое восприятие познания: источник понятий – объективный мир, никаких «врожденных идей» не существует, а единственное средство познания – опыт, эксперимент, но в единстве анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Близкая синтетическая позиция была характерна и для Александра Герцена (1812–1880). Он видел истину в соединении опыта и теории, анализа и синтеза, в органичном соединении индуктивных и дедуктивных построений. Из специальных логических работ интересны для аналитиков докторская диссертация (и одноименная книга) Михаила Каринского «Классификация выводов» (1880)³⁸, и сочинение Леонида Рутковского «Основные типы умозаключений» (1888)³⁹.

Из бурных XVIII–XIX столетий в качестве значимых для развития методов информационной аналитики выделим часть творческого наследия позитивистов, приверженцев индуктивного метода, основателей «эмпирической логики» – Уильяма Уэвеля (1794–1866) и Джона Стюарта Милля (1806–1873). Так, Уэвель оставил цикл работ в области прикладного использования количественных (кривых

роста, средних арифметических для индикаторов, наименьших квадратов, остатков), а также качественных (градации, изучения непрерывных перемен естественной классификации) методов, активно применяемых сегодня в сфере информационно-аналитической деятельности.

Английский логик и экономист Д. С. Милль обстоятельно разработал пять методов исследования причинной связи между явлениями (метод остатков, метод различий и др.), которые имеют существенное методологическое значение и сейчас для разработки приемов информационной диагностики сложных динамических систем, включая различные социальные образования.

Мы не претендуем на подробное, а тем более на исчерпывающее рассмотрение процесса формирования методологического инструментария информационной аналитики, представляемой нами в качестве основного инструмента развития современной практической философии. Тем не менее, ограничить наш обзор лишь отмеченными этапами, несмотря на их знаковость, было бы неправильно, ибо нельзя обойти вниманием теоретические построения, рожденные в лоне одного из наиболее динамично развивающегося направления практической философии – *философии науки*.

Итак, в фокусе этого направления философских изысканий XX в. оказывается структура научных теорий, уровни научного познания, связь между ними, логико-методологические принципы и методы научного исследования.

Именно такая предметная ориентация характерна для *логического позитивизма* — первой методологической концепции, анализ которой с целью выявления ее сильных сторон и недостатков послужил основанием для становления и развития всей *системы философии науки*. Наиболее яркими представителями этого течения явились Эрнст Мах (1838–1916), Людвиг Витгенштейн (1889–1951), Рудольф Карнап (1891–1970).

Второй авторитетной концепцией постпозитивистского периода был *критический рационализм*. Его отличительными особенностями явились интерес к развитию научного знания, критическое отношение к логическому позитивизму, углубленное рассмотрение природы научного знания и пр. В рамках критического рационализма можно выделить *фальсификационизм* Карла Поппера (1902–1994) и *методологию исследовательских программ* Имре Лакатоса (1922–1974), а также *парадигмальную философию науки* Томаса Куна (1922–1996). Последняя занимает особое положение, ибо акцент в ней смещается с анализа теории как структурного элемента науки на исследование особенностей деятельности научного сообщества.

Рассмотрим кратко эти методологические конструкты.

Согласно концепции *логического позитивизма* действительность является совокупностью состояний вещей в окружающем человека мире. Такие состояния (свойства) могут быть эмпирически обнаружены и выражены в элементар-

ных предложениях, которые были названы представителями этого течения «протокольными предложениями». Совокупность этих предложений, как утверждалось, и составляет достоверный базис инструментального знания.

Но кроме эмпирического уровня знания существует и теоретический. Последний образуется при помощи индуктивных обобщений и гипотетических приемов введения нового знания. Эмпирический и теоретический уровни являются двумя структурными компонентами теории, причем, верификация теоретических положений осуществляется при помощи их проверки эмпирическими фактами. Одновременно принцип верификации соединялся с критерием осмысленности, ибо, с точки зрения апологетов логического позитивизма, осмысленным является только верифицированное содержательное знание.

Таким образом, вследствие принятия такой гносеологической установки в логическом позитивизме вырабатывается специфическое понимание предметных оснований науки, появляется особая онтология. Резко дистанцируя сущность от явления, приверженцы логического позитивизма уделяют основное внимание сущему – явлению, утверждая о том, что *все, что не выводится из явления – есть гипотеза*. Они также доказывают тот факт, что достоверным базисом науки становятся чувственные данные, описание которых приводит к языковым конструкциям, объединяющимся при помощи логических приемов в концептуальные структуры. Так,

один из лидеров логического позитивизма Р. Карнап утверждал, что *существовать – значит быть элементом концептуального каркаса*⁴⁰.

Эти теоретические построения привнесли существенный вклад в формирование методологических оснований практической философии, ибо отталкивались от сущего, апеллируя к фактологическому материалу. Благодаря этому осуществлялось более погруженное понимание различных феноменов практической деятельности людей, а также появлялась возможность их научной пролонгации на основе разработанных в рамках логического позитивизма принципов гипотетики.

Еще более значимым вкладом в развитие инструментальной базы практической философии и ее главного инструмента – аналитики явились положения разработанные апологетами *критического рационализма*, главным представителем которого был Карл Поппер. К. Поппер настаивал на принципиальной недопустимости использования принципа верификации как критерия научности и демаркации знания, ибо позитивную степень подтверждения могут иметь даже такие идеи и концепции, которые традиционно к науке не относятся, например, гадания, магические действия, мифологические системы, астрология, алхимия и пр. Он предлагает совершенно иной подход, основанный на использовании известного дедуктивного модуса, называемого в логике *«modus tollens»* (рассуждение от противного, латинское

«modus tollendo tollens» означает «путь исключения исключений»), который позволил связать эмпиризм с дедукцией.

Суть этого подхода заключается в следующем. Если существует теория и ее некое следствие, то противоречащий следствию эмпирический факт является основанием для заключения об утверждении ложности теории⁴¹. Другими словами, частное (эмпирическое) положение может выступать критерием оценки общего (теоретического) посыла. Если взять на вооружение познавательного процесса такую схему, то *будет сохранена значимость эмпирического (практического) знания в науке*, а это критически значимо, ибо ни один ученый не осмелится отказаться от эмпирической проверки теорий. Правда, при этом необходимо пересмотреть понятие *эмпирического базиса*. Последний К. Поппер рассматривал как совокупность положений, описывающих возможность проведения того или иного эксперимента, а также ограничения, накладываемые на условия его проведения. По сути, эмпирический базис Поппера – это некая конвенция, построенная на основе имеющегося практического, предметного знания, некоторая часть которого имеет предпосылочную природу. Закономерно, что введенная Поппером *дефиниция «эмпирического базиса» стала одной из центральных в категориальной системе современной практической философии, т. к. фиксировала различные порядки представлений людей о формах сущего, которое и выступает в качестве объекта их практической деятельности.*

Этот модус (*modus tollens*) Поппер и предполагает взять в качестве основания новой методологии: заменить принцип верификации логических позитивистов на принцип фальсификации, ибо постоянная критика ведет к отбрасыванию ложных представлений и приближает их к истине.

Принцип фальсификации Поппер выдвигает как критерий научности, т. к. любая теория должна обладать потенциальной возможностью входить в противоречие с эмпирическими фактами. Поэтому, фальсифицируемость здесь рассматривается на критериальном уровне, ибо одной верификации не достаточно. Если же *теоретический конструкт неопровергаем, то мы, по утверждению Поппера, скорей всего, имеем дело с идеологией.*

С другой стороны, *чем больше имеется неудачных попыток опровержения, тем более устойчивой оказывается теория, тем более она продуктивна и сохраняет статус научной истины.* В этом случае мы имеем дело с хорошо corroborированной⁴² методологической системой. Поэтому *фальсифицируемость есть логическое отношение между системой теоретического знания и классом потенциальных фальсификаторов.*

Еще один видный представитель критического рационализма венгерский философ Имре Лакатос вводит в структуру методологии науки новое понятие «*исследовательская программа*». Заметим, что если Поппер и логические позитивисты используют в своих рассуждениях в качестве исход-

ной и основной компоненты анализа понятия «теория» или «совокупность теорий», то у Лакатоса единицей методологического анализа является «исследовательская программа». В его понимании это множество теорий, принимаемых последовательно друг за другом во времени и сосуществующих вместе. Все эти теории относятся к одной программе, потому что обладают общим началом: они имеют объединяющие их фундаментальные идеи и принципы⁴³.

Исследовательская программа структурно состоит из трех основных элементов: ядра программы, позитивной и негативной эвристики. Ядро исследовательской программы – это ее жесткая неизменяемая часть, представляющая собой совокупности фундаментальных теоретических принципов, конкретно-научных и метафизических допущений об онтологической природе исследуемой области и общей стратегии ее изучения. Если же исследовательская программа прогрессивно объясняет больше, нежели конкурирующая, то она вытесняет последнюю, которая может быть устранена⁴⁴.

Лакатос также доказывает, что «*решающие эксперименты*», которые способны опрокидывать исследовательскую программу признаются таковыми лишь десятилетия спустя. Поэтому «...статус "решающего эксперимента" зависит от характера теоретической конкуренции, в которую он вовлечен»⁴⁵ и в силу этих же причин «...не может быть никакой фальсификации прежде, чем не появится лучшая теория»⁴⁶.

Позитивная эвристика, являясь еще одной существенной частью исследовательской программы, определяет и актуализирует проблемы исследования, выделяет «защитный пояс» вспомогательных гипотез, предвидит «аномалии», диссонирующие с исходным посылом, превращает их в подтверждающие теоретические блоки. Ее внимание сосредоточено на конструировании моделей, соответствующих тем инструкциям, которые изложены в позитивной части программы. Ученый видит «аномалии», но, поскольку его исследовательская программа может выдерживать их натиск, он вправе свободно игнорировать их. Он отмечает, что отнюдь не аномалии (психологически неприятные, но технически неизбежные), а именно позитивная эвристика программы задает и актуализирует проблемы, которые подлежат рациональному анализу⁴⁷.

В качестве альтернативы лакатосовской модели выступает *парадигмальная философия науки* Томаса Куна. Основным элементом философии науки Куна является понятие «парадигма». Не претендуя на окончательное и однозначное определение, можно сказать, что *парадигма – это совокупность фундаментальных знаний, теорий и концепций, общепринятых методов, образцов решения задач и приемов исследования*, закрепляемых в процессе обучения и специального образования. Носителем, выразителем и разработчиком парадигмы на любой стадии ее развития является научное сообщество. «Парадигма – это то, что объединяет членов науч-

ного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму»⁴⁸.

Развитие науки представлено Куном как процесс возникновения, эволюционного изменения и смены парадигм. Этот процесс можно описать при помощи следующих включенных в него стадий.

Первая стадия названа допарадигмальной, когда имеют место различные, возможно даже случайные точки зрения, отсутствуют фундаментальные концепции, общая проблематика на этом этапе никак не выражена, поэтому не может существовать никаких общих стандартов и критериев оценки и сравнения хаотически получаемых результатов.

Большое значение имеет вторая стадия, так как связана с созданием и формированием единой парадигмы. Возникает и постепенно становится общепринятой фундаментальная концепция, которая ставит множество пока еще нерешенных проблем, ибо фундаментальные идеи никогда не могут быть представлены в окончательно завершенном виде, они требуют значительной доработки и совершенствования. Тем не менее, фундаментальная идея определяет основное стратегическое направление движения научной мысли.

Третья стадия развития науки названа Куном «нормальной наукой». Она соответствует эволюционному периоду развития, когда парадигма сложилась и уже не нужны новые теории. Все усилия ученых в этот период направлены на совершенствование фундаментальной концепции, на накоп-

ление фактов, подтверждающих основные идеи, на решение нерешенных, в том числе и практических проблем на основе инновационного инструментального знания.

Но, то, что Т. Кун называет «нормальной наукой» по своему содержанию очень близко лакатосовскому понятию «исследовательская программа», которая сумела захватить монополию, что в действительности наблюдается крайне редко.

Кроме того, легко обнаружить некоторые важные структурные аналогии в этих рассматриваемых моделях. В них одновременно присутствуют обоснования двух типов развития:

непрерывный, кумулятивный рост в рамках одной парадигмы («нормальная наука» Куна) или «исследовательской программы» (Лакатос), в котором теории соизмеримы и непременно проявляет себя «решающий эксперимент»;

некумулятивный скачкообразный переход от одной парадигмы или исследовательской программы к другой, что влечет за собой научную революцию.

Возможность введения понятия научной революции связано с тем, что обе рассматриваемые модели имеют два уровня: «парадигма» и продукция «нормальной науки» у Куна и «жесткое ядро» и продукция «позитивной эвристики» у Лакатоса.

Думается, что этих оснований достаточно для утверждения о том, что лакатосовский критерий «прогрессивного сдвига⁴⁹» может быть включен в качестве одного из важных

факторов, участвующих в куновском процессе конкуренции научных сообществ. Лакатос, по сути, говорит о глобальных тенденциях, оставляя без ответа вопрос о конкретном взаимодействии исследовательских программ с конкретными научными сообществами, о методологическом выборе, с которым они постоянно сталкиваются. Кун же рассматривает в первую очередь именно этот выбор, представляемый им как процесс взаимодействия комплексов идей (будь то парадигма или исследовательская программа) с научными сообществами. С этой главной для куновской модели стороны – со стороны проблемы внедрения нового – его парадигмальная философия во многом дополняет модель Лакатоса, а не конкурирует с ней⁵⁰.

Приведенные выше теоретические положения способствовали не только упорядочению процесса аналитической деятельности, но и обеспечили возможность выработки критериев оценки ее результатов. Кроме того, результаты этого философского дискурса существенно повлияли на характер оформления и систематизацию инструментария той части практической философии, которая ориентирована на предметное вычерпывание объективных знаний и их использование в различных формах и порядках социальной практики.

Так, во-первых, благодаря разработкам Поппера было актуализировано значение эмпирических (практических) знаний в науке, что стимулировало развитие прикладной методологии информационной аналитики на основе категориаль-

ной системы «эмпирический базис».

Во-вторых, появление теорий «верификации» и «фальсификации» дало существенный толчок к разработке статистических и вероятностных критериев оценки валидности тех или иных аналитических выводов, а также более рельефному оформлению системы принципов репрезентации результатов прикладных эмпирических исследований.

В-третьих, формирование таких теоретических конструкций, как «парадигмальная философия» Т. Куна и «исследовательская программа» И. Лакатоса, обусловило возможность оптимального совмещения рациональных и эвристических методов в структуре аналитических исследований и разработке базисных комплексов идей, способных консолидировать усилия различных представителей научных и аналитических сообществ. Последнее представляется очень важным в условиях современного научного плюрализма и мозаичности существующих подходов к получению предметных инструментальных знаний и их использованию в преобразующей деятельности.

Завершая наш обзор наиболее значимых этапов формирования системы методологических оснований аналитики, подчеркнем, что специфика любой области знания зависит от двух важнейших моментов: предмета изысканий и методов его исследования. Причем второй момент обусловлен первым, так как своеобразие предмета накладывает отпечаток на методологию его анализа. В социально-гуманитарных

науках таким специфическим предметом, являются различные информационно-знаковые системы – *тексты*, несущие в себе не только некие потоки формализованных данных, но и совокупности смыслов, обеспечивающие понимание сути, заключенной в этом информационном массиве.

Такая особенность предметов данной природы служит гносеологической предпосылкой для формирования *герменевтической концепции* в структуре *практической философии*, ибо последняя призвана способствовать пониманию текста, снятию неопределенности в трактовке его смыслов. Если смысл как бы «скрыт» от субъекта, то очевидно, что его надо вскрыть, истолковать и интерпретировать. Все эти фазы преодоления неопределенности могут быть синтезированы в общую методологическую категорию «понимание», которая в области информационной аналитики приобретает особое методологическое звучание: на первый план здесь выдвигаются интерпретационные методы получения инструментального знания. Именно они в большинстве случаев обеспечивают его прирост, но в то же время перед исследователями возникают и сложнейшие проблемы обоснования истинности аналитических выводов и их методологического обеспечения.

В современной *герменевтике* понимание с методологической точки зрения является не столько психологической категорией, сколько семантической и общефилософской. Поэтому основным средством наделения смыслом неких зна-

ково-символических конструкций является интерпретация, которая представляет собой достаточно свободный творческий акт. Интерпретация и понимание текстов обеспечиваются особыми методологическими средствами: герменевтическим кругом, вопросно-ответными методиками, контекстным методом, специальными логическими средствами и семиотическими приемами.

Так, текст всегда представляет собой непустое множество элементов, связанных друг с другом структурными отношениями. Значит, понимание текста обусловлено знанием общих семантических значений каждого входящего в него элемента, контекстов и подтекстов его представления. Такая система условий понимания вводит абстрактную, теоретическую ситуацию «чистого» понимания, моделирует его и является логико-семантическим базисом для реконструкции адекватной данному пониманию деятельности.

Актуализируя вопросы понимания смыслов, присутствующих в различных текстовых системах с использованием «герменевтического стандарта», нельзя оставить без внимания еще один мощный методологический инструментарий, дающий возможность анализировать язык того или иного текста, получая, при этом ответы на вопрос о направленности мышления и характере использования имеющегося инструментального знания. Речь идет о «*аналитической философии*»⁵¹.

Термин «аналитическая философия», не будучи доста-

точно строгим, подразумевает традицию систематического применения аналитико-языковых методов при решении различных проблем посредством их ясной репрезентации, адекватного соотнесения вербального и реального и последовательного преодоления возникающих здесь понятийных трудностей. Здесь используется аналитико-языковой способ понимания и интерпретации природы и задач познания и практической деятельности. Аналитическая точка зрения в этой сфере практической философии исходит из того, что язык обуславливает возможность реализации всего многообразия предметной деятельности человека и представляет интерес не только в качестве средства передачи некой содержательной информации, но и как самостоятельный объект исследования, необходимый компонент любого рационального дискурса.

В широком смысле слова аналитическую философию можно квалифицировать как определенный стиль философского мышления, связанный с методологическим аспектом ее программы. Методика аналитического подхода требует, чтобы каждое выдвигаемое положение было строго обосновано с точки зрения ясности посылок⁵².

Этот инструментарий представляет собой совокупность различных методов прояснения, незамутненного видения реальности сквозь речевые средства ее выражения. Для решения этой задачи изобретается особая практика прояснения или анализа. Под *аналитикой* здесь понимается деятель-

ность, необходимая для «логического прояснения мыслей», поскольку большинство философских вопросов и трудностей возникает вследствие того, что «...мы не всегда понимаем логику нашего языка»⁵³. Следовательно, для решения этих проблем необходима практика анализа, подразумевающая перевод всех предложений любой степени сложности в атомарные модусы, репрезентирующие простейшие элементы действительности – атомарные факты. Именно поэтому, согласно общей установке аналитиков лингвистической ориентации, философ не столько дает знание, сколько занимается устранением мнимого знания.

Существенный вклад в развитие аналитической философии внес Уиллард Куайн (1908–2000). Так, в работе «Логика и конкретизация универсалий» он выдвинул тезис о том, что существующее в целом не зависит от того, как оно вписано в наш язык, однако именно от языка зависит, чем проговариваемое на самом деле является. В этом смысле «*существовать*», *т. е. быть предметом, есть не предикат, а ценность некоторой переменной*. Это значит, что онтологическая приемлемость абстрактных или конкретных объектов основывается на приемлемости теорий и дискурсов по поводу этих объектов. «Коллекция», «класс», «ощущения», «вещь» и т. п. хотя и принадлежат к разным онтологическим областям, все же находятся на одном уровне. Их бытие Куайн сводит к определенной конструктивной операции «дискурсивных универсумов»⁵⁴. В этом дискурсе мы интерпре-

тируем теорию, в нем фиксируется ее предмет, но, в свою очередь, он может быть и оспорен, поставлен под вопрос. Нет смысла говорить о предметах теории помимо их интерпретаций одной или другой теорией⁵⁵.

Учитывая эти положения Куайна, его эпистемологию можно лапидарно представить в виде следующих обобщенных тезисных посылов⁵⁶: не существует «субдетерминации» теории со стороны логики и опыта, т. е. аргументируется невозможность различных фактических очевидностей и логических аргументов однозначно подтвердить или опровергнуть какую-либо теорию;

– аргументируется идея о том, что две противоречащие теоретические конструкции могут продемонстрировать равную фактическую очевидность;

– развивается положение в том, что посредством концептуальной схемы будущее оказывается вполне предсказуемым; основанием для этого прогноза является накопленный опыт;

– доказывається мысль о том, что нельзя сопоставлять теории с неконцептуализованной реальностью;

– актуализируются два базовых принципа эмпиризма: любая научная очевидность есть по существу очевидность сенсорная; принятие словесных сигнификатов, фиксирующих отношение слова к понятию, обобщенному мысленному представлению о классе объектов, базируется на сенсорной очевидности.

На этом мы завершаем краткий, не претендующий на исчерпывающую полноту, обзор теоретических конструктов, ныне составляющих систему методологических оснований современной информационной аналитики. Здесь мы попытались аргументировать то обстоятельство, что развитие аналитики в последнее столетие способствовало не только становлению практической философии в целом, но и научной легитимизации многих ее предметных направлений.

В следующем параграфе мы представляем результаты анализа, направленного на поиск сущностных оснований феноменов и тенденций развития информационного пространства, в рамках которого оформляются новые проявления социальности субъекта и его деятельности, институциональных структур и общества в целом.

§ 2. Технологизация социального пространства как фактор становления информационного общества

Прежде чем обратиться к рассмотрению процессов инновационного изменения форм и порядков социальной действительности, происходящих в последнее время под воздействием различных информационных технологий, активно внедряемых в нашу жизнь, необходимо рассмотреть тот субстрат, на котором «выращивается» социальность с новыми признаками, структурой и свойствами. В качестве такого чаще всего рассматривается некое *социальное пространство*, которое и подлежит технологическому воздействию с использованием всего арсенала информационно-коммуникационных средств.

Итак, с позиций Пьера Бурдьё (1930–2002) – «социальное пространство это поле сил, точнее совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям»⁵⁷. Но, с нашей точки зрения, это понятие имеет, прежде всего, ярко выраженную антропологическую доминанту. Апелляция к ней позволяет более точно пояс-

нить существо качественных связей индивида и общества, механизмы включения субъекта в различные формы социальной практики. Одной из главных функций социального пространства является *функция социального обустройства жизнедеятельности субъектов*, создание условий для удовлетворения их потребностей не только в сфере производства, но и в ассоциированном распределении материальных и духовных благ, в расширении продуктивных связей индивида с обществом. Очевидно, что качество социального пространства во многом определяет характер сложившегося организационного порядка консолидированной деятельности субъектов, эффективность проявления их социальной и позиционирования в различных структурах социальной практики. Следовательно, чтобы более полно использовать «человеческий ресурс» необходимо искать пути оптимизации элементной и функциональной структуры данного пространства, поддерживающего тот или иной тип отношений и связей, складывающихся в процессе социальной деятельности.

К сожалению, разбалансированность этих отношений очень часто обусловлена *технологической ущербностью социального пространства* – отсутствием в нем реальных и потенциальных механизмов функционального поддержания быстро изменяющихся форм человеческой деятельности во всех сферах социального бытия.

Причины указанной технологической ущербности могут

быть сведены к следующим основным фундирующим факторам:

– неразвитость социально-экономических, социохозяйственных структур, обусловленная использованием архаичных техник и технологий, позволяющих лишь воспроизводить производственные и потребительские процессы без приращения их качества;

– нарушение социальных приоритетов, неадекватность средств социальной защиты граждан, обусловленные неадекватностью использования коммуникативных технологий социального управления и технологий формирования политической инфраструктуры социума;

– низкий духовный, социокультурный потенциал, недостаточный уровень коммуникационной и профессиональной культуры субъектов социальной деятельности, что обусловлено ущербностью используемых информационных технологий в образовательных процессах, в частности, и процессах социальной коммуникации, в целом.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что *технологизация социального пространства – это постоянный процесс, направленный на выявление и использование потенциалов социальной системы в целях ее оптимального функционирования на основе совокупности информационно-коммуникационных технологий, поддерживающих развитие социальности субъекта в рамках различных сфер и уровней ассоциированной деятельности.*

Развертывание указанного процесса, в конечном итоге, и обусловило возможность становления и последующего оформления принципиально нового цивилизационного типа социальной организации, получившего название – «информационное общество».

Далее, не претендуя на выстраивание какой-либо хронологии, мы попытаемся представить наиболее яркие проявления процесса информационной технологизации социального пространства, заявившие о себе в недавнем прошлом и показать ряд их социетальных (относящихся к обществу, рассматриваемому как единое целое) последствий, кардинально изменивших характер не только социоэкономических и социокультурных связей, но и мировоззренческие установки человека ищущего и действующего.

Итак, в настоящее время практически не подвергается сомнению тот факт, что человек для реализации своего социального поведения нуждается в постоянном притоке информации. Постоянная информационная связь с окружающим миром, социальной средой, в которой он действует как активный социальный субъект, является одним из важнейших условий его нормальной жизнедеятельности.

Мы полагаем, что резкое усиление функционально-технологического значения информации в конце XX в. было вызвано следующими основными причинами.

Во-первых, в результате усложнения общественного поведения увеличиваются информационные потребности лю-

дей. Информация превращается в массовый продукт, что существенно изменяет технологию осуществления социальных взаимодействий, значительно повышая порядки свободы индивидов, социальных групп и территориально-региональных формирований.

Во-вторых, информация становится не просто сообщением, имеющим конкретное содержание, а экономической категорией. Она получает рыночную оценку и перестает быть бесплатным товаром. Возникает высокотехнологичный информационный рынок, где информация продается и покупается, а операции с информацией приносят прибыли и убытки. Расширяются инвестиции в информацию не только с целью получения новых данных, но и формирования новых технологий извлечения дополнительной прибыли. При этом прибыль от продаж и покупок информации не усредняется, поскольку информационный рынок не подчиняется законам совершенной конкуренции⁵⁸, ибо здесь начинают работать иные социально-технологические механизмы.

В-третьих, резко возросли технологические возможности получения, передачи, хранения и использования информации во все возрастающих объемах. Технологическое лидерство захватили информационные средства, в основе которых лежит взаимодействие компьютера или компьютерной сети с машиной (прибором, аппаратом, манипулятором) и человеком.

Таким образом, с развитием информационных процессов

и объемов трансляции этой субстанции все сильнее актуализируется значение такого социально-культурного феномена как «информационное взаимодействие», которое, начинает доминировать во всех структурах и порядках социального бытия, знаменуя его переход к новой стадии технологического развития – информационной.

Следует также отметить, что «информационное общество», являющееся высокотехнологичным социумом в плане реализации социокоммуникационных связей, представляет собой определенный этап развития техногенной цивилизации, становление которой происходит, прежде всего, в Европе в XV–XVII столетиях с последующей экспансией в другие регионы мира. Этот социокультурный феномен изначально получил название «Западной цивилизации» и на протяжении всей последующей истории демонстрировал форсированные темпы развития, что впоследствии привело к революционным изменениям не только в структуре информационно-коммуникационной деятельности, но и к коренной реформации практически всех существующих форм, уровней и порядков социальной практики. Более того, такая аттрактивность⁵⁹ развития цивилизационных процессов обусловила необходимость формирования принципиально новых предметных направлений социальной деятельности, в фокусе которых оказалась *социальная информация с ее неисчерпаемым ресурсным потенциалом*.

Но, главной доминантой, особенно на первой стадии тех-

ногенной цивилизации, становится идея преобразования мира и подчинение человеком природы при помощи научной информации и различных технических средств. Такая ориентация породила особое отношение к информации и инструментальному знанию, ибо последнее оценивалось в качестве необходимого технологического компонента общественного прогресса⁶⁰.

В целом, для техногенной цивилизации, рассматриваемой через призму ее целевой функции, вектор которой имеет выраженную информационную аттрактивность, характерными являются следующие основные признаки:

- рельефное выражение закономерностей социальной динамики, проявляющейся в периодически повторяющихся экономических кризисах (это обстоятельство свидетельствует о существенном усложнении структур жизнедеятельности социума, все возрастающей информационной нагрузкой на субъект, что повышает уровень стохастичности различных сфер общественного бытия);

- в отличие от замкнутости традиционных цивилизаций, техногенная быстро выходит за рамки одного или нескольких обществ, создавая международный рынок и, в конечном итоге, приобретает интернациональный характер (что свидетельствует о наращивании потенциала саморазвития и самоорганизации данного социума на основе информационной экспансии);

- сущность человека все в большей степени рассматрива-

ется через его субъектно-деятельностное начало, а его преобразующая потенция становится основой его социальности (деятельностно-активный идеал отношения человека к природе распространяется на сферу социальных отношений, которые реформируются и трансформируются в соответствии с изменившимися представлениями об их эффективности);

– господство рационального мышления, нацеленного на теоретическое осмысление внешнего мира и использование новой конструктивной информации для развития орудий производства с целью увеличения их эффективности;

– дегуманизация общественных отношений, когда средства активно-преобразующей деятельности человека превращаются в цель (следствием этих социальных изменений явилось возникновение массовой культуры, массовой информации и массовизация сознания людей)⁶¹.

Все перечисленные признаки прямо или косвенно свидетельствуют о целевой направленности цивилизационного процесса, в результате чего, постепенно зарождающиеся уклады высокотехнологичного информационного общества – возникает смешанная технология, экономика, культура, построенные на основе информационно-коммуникационных взаимодействий. И лишь впоследствии индустриальное общество формирует свою собственную качественно новую технологическую основу – *информационную*.

Следует отметить, что концептуально основания современных инноваций в развитии социального пространства,

как локального, так и глобального масштабов, уходят своими корнями в историю эпохи Просвещения. Пафос этой эпохи сформулирован в знаменитой формуле Ф. Бэкона «знание – это сила», и наиболее ярко реализован в трудах И. Канта (в теории познания) и Карла Маркса (1818–1883) (в политической экономии). Сейчас есть все основания для того, чтобы констатировать, что начало исследований «новых» форм социальных взаимодействий, развивающихся на основе коммуникативных практик, связаны, в первую очередь, с решающей ролью научного знания и научно-техническим прогрессом, которые заложил К. Маркс, сформулировав тезис о «превращении науки в непосредственную производительную силу».

Очевидно, что сегодня наука действительно становится решающей силой развития практически всех социальных систем и их структурных модулей. В силу этого сейчас происходит не менее очевидное смещение приоритетов от материально-вещественных и энергетических ресурсов – к ресурсам интеллектуального и информационного характера. *Информация* начинает играть такую существенную, основополагающую роль, что появляется возможность выделять ее как *пятый фактор производства наряду с известными: трудом, капиталом, земельными ресурсами и человеком*. За социально-культурными скачками в отдельно взятых странах (точнее – мировых культурах) начинают прослеживаться общие закономерности и тенденции, связанные с возрастаю-

щей ролью науки, инноваций, новых информационных возможностей в экономике. *Этот новый экономический феномен по существу является социохозяйственной формой реализации более масштабного явления, получившего название «информационное общество».*

Аргументируя факт ведущей роли знания в материальном производстве, К. Поппер высказывает предположение о том, что если существующая ныне экономика и техника будут уничтожены, но техническое и научное знание сохранится, то в этом случае через некоторое время (хотя и с большими трудностями и пусть в меньшем объеме) промышленность восстановится. Но если вообразить, что исчезли все наши знания, а материальные вещи сохранились, это привело бы к полному исчезновению материальных следов цивилизации⁶².

Знание и информация всегда были обязательными, атрибутивными компонентами в жизнедеятельности людей. Знания являются средством завоевания свободы человека, средством его освобождения от влияния стихийных сил, раскрепощения личности. Но в условиях информационного общества знание выступает в новом качестве, оно становится самостоятельной силой, центральным фактором технического и социального развития. Для понимания изменения роли знания в информационном обществе, важно указать на обстоятельства, отмеченные Мануэлем Кастельсом (1942): «...информация в самом широком смысле, т. е. как пере-

дача знаний, имела критическую важность во всех обществах. Поэтому они превратились в атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникшим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальным источником производительности и власти»⁶³. Он заявляет также и о том, что знание и информация являются критически важными элементами во всех технологических способах развития, ибо процесс производства всегда основан на определенном уровне знаний и обработки информации. Однако специфическим для информационного способа развития является воздействие знания на само знание как главный источник производительности⁶⁴. Это означает, в частности, что, *не прибегая к эмпирии, мы можем получать новое знание о реальности, анализируя имеющуюся социальную информацию*. Этот вывод имеет принципиальное значение в контексте актуализируемых нами проблем, ибо такая форма кристаллизации знаний возможна только в рамках *высокотехнологичной коммуникационной среды, где информация и знания легкодоступны для непосредственного использования и составляют неисчерпаемый информационный ресурс всего социума*.

В данной работе мы будем опираться на то, что собственно феномен информационного общества, как и содержание этого понятия, есть комплексная данность, которая включает в себя следующие аспекты (и компоненты), каждый из ко-

торых также структурирован внутри себя:

- производство нового знания (инноваций, новой социальной информации);
- использование нового инструментального знания во всех сферах социального бытия (в производстве, обмене, распределении и потреблении материальных и духовных благ);
- организация и управление социальной реальностью на основе принципов и технологий коммуникативного обмена;
- появление новых социально-культурных условий и нового состояния антропогенной среды в условиях новой высокотехнологичной социальной реальности;
- формирование новых качеств индивида, основанных на инструментальных знаниях и коммуникационной культуре.

Полагаем, что лишь те подходы, которые учитывают это содержание и диалектическую связь между указанными компонентами, могут претендовать на полноту и потому истинность в отражении этой новой формы технологической организации социума. Думается, что только эти подходы будут адекватны при поиске путей эффективного управления, развития порядков реализации возможностей человека и общностей, открывающихся в связи с рельефным становлением этой новой социальной данности.

Итак, оформление понятий «информационное общество» и более сущностного – «общество знаний» представляется в этой связи закономерным, отражающим глубинные интен-

ции субъектов современной социальной реальности. Конечно, существуют различные оценки и прогнозы развития этой формы социальной реальности во всем наборе ее свойств. Однако тенденция информационной аттрактивности, определяя основную совокупность перспектив и проблем развития человечества в обозримом будущем, представляется стержневой, сущностной и потому заслуживающей специального и социально-философского анализа. Мы же в этой работе лишь попытаемся поставить задачу адекватного понимания данного феномена и обозначить наиболее яркие, уже воплощенные в жизнь проявления этой формы социальной интенции в контексте рассмотрения ее информационно-технологического потенциала.

Одним из таких ярких проявлений технологизации социального пространства являются *процессы его информатизации*, которые уже сейчас приобрели глобальный характер и являются стержнем научно-технического и социально-экономического развития. Более того, информатизация сегодня начинает выполнять функцию интеллектуальной основы решения многих проблем современности.

Можно согласиться и с утверждением о том, что с технологической точки зрения основные достижения будут связаны с интеграцией техники и передачей и обработкой информации, которая и формирует высокотехнологичное общество, где такой товар, как «информация» подлежит продаже в более явной форме, чем сейчас⁶⁵.

Во второй половине 60-х гг. люди осознали тенденцию роста информации по экспоненциальной кривой, получившей название «информационного взрыва». Это особенно характерно для постоянно ускоряющегося роста научных знаний. Если с начала нашей эры для удвоения научных знаний потребовалось 1750 лет, то второе удвоение произошло в 1900 г., а третье – к 1950 г., т. е. уже за 50 лет, при росте объема информации за эти полвека в 8—10 раз. К концу 20 в. объем знаний в мире возрос вдвое, а объем информации увеличился более чем в 30 раз⁶⁶.

Резкий рост объема информации сопровождается усилением требований к ее качеству (своевременности, полноте, достоверности, необходимости оценки различных вариантов решений). Для обработки огромного массива информации стали необходимы специальные средства, ибо существующие были уже не в состоянии справиться с огромным потоком данных, что привело к негативным явлениям, в частности, к росту объема неопубликованной и неиспользуемой информации, затруднению патентного поиска и т. д. Возник «информационный тромбоз» – лавинообразный рост объема информации стал сопровождаться «информационным голодом», который был вызван физиологическими ограничениями человека в ее восприятии и переработке.

В 1973 г. в ФРГ вышел в свет свод международных прогнозов под названием «Мир в 2000 году». В нем отмечалось: «Невиданный рост объема знаний все более и более

затрудняет прямое участие человека в производстве информации и получении необходимых ему данных при допустимых вариантах времени и затратах финансовых средств. Последствия такого положения сказываются незамедлительно: большая часть данных поступает к потребителю со значительным опозданием; постоянно увеличивается объем неиспользованной информации. В некоторых отраслях ощущается нехватка необходимых данных, что также чревато серьезными последствиями⁶⁷. В силу этого возникла настоятельная потребность не только в новых технических информационных системах, но и в разработке новых методов обработки, накопления и распространения информации. Все это дало мощный толчок развитию информатики, информационной техники (в частности, появлению микропроцессоров, персональных компьютеров и др.) и программного обеспечения.

Кроме того, в конце XX в. социальная значимость информации резко возросла в силу ряда причин. Увеличились информационные потребности людей, и *информация превратилась в массовый продукт*. Возникает информационный рынок, платным товаром на котором выступает все та же социальная информация. Информационные преимущества становятся важной социальной силой – обладающие информацией обладают властью. В условиях ускоряющегося динамизма общественных изменений резко возрастает потребность в информации о происходящих изменениях для обес-

печения своевременной реакции на них. *Происходит сдвиг совокупного спроса в сторону удовлетворения информационных потребностей.*

Уже сейчас можно говорить о том, что процесс информатизации имеет свою историю, в которой можно выделить определенные этапы. Этап электронизации представляет собой совокупность чисто технических процессов, связанных с внедрением полупроводников. На этапе компьютеризации происходит распространение новейших коммуникационных технических средств, формируется техническая база информатизации. Этап собственно информатизации является по своей сути социотехническим и социокультурным процессом производства и использования информации в интересах человека и общества в целом.

По мнению ряда авторов, процесс информатизации включает в себя три взаимосвязанных составляющих: медиатизацию (от лат. *mediatus* – выступающий посредником) – процесс совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации; компьютеризацию – процесс совершенствования средств поиска и обработки информации; интеллектуализацию – процесс развития способности восприятия и конструирования принципиально новой социально значимой информации. В силу отмеченных выше обстоятельств, *информатизацию общества* можно представить в виде процесса овладения субъектами социальной информацией, превращения ее в главный ресурс управления своей дея-

тельностью, через посредство информационно-технических средств, повышающих эффективность позиционирования индивида в рамках различных форм и порядков социальной практики.

Мы полагаем, что именно по такому сценарию в процессе информатизации происходит прогрессивно нарастающее использование в социальной практике информационных технологий и собственно *информации*. Последняя рассматривается *не только в качестве цели и средства деятельности субъекта, но и как ее (деятельности) результат*. На этой основе и формируются *принципиально новые технологии осуществления социальной деятельности, а также устанавливаются новые критерии оценки ее результативности*.

Ниже мы рассмотрим, как эти процессы информационной технологизации социального пространства обусловили кардинальные изменения в характере развития социохозяйственной сферы общественного бытия.

Итак, совсем недавно стал рельефно проявлять себя новый социально-онтологический и, одновременно, гносеологический феномен, получивший название «*новая макроэкономическая среда*», сформировавшаяся под влиянием новых технологий и инструментальной информации, которой овладел во всех ее прагматических импликациях субъект хозяйственной деятельности.

Эта «*новая среда*» стала рассматриваться как особый экономический строй, который базируется на трансформации

знаний в финансово-экономические и управленческие инновации. Но информация (знание) как экономический фактор и ресурс принципиально отличается от всех остальных – труда, капитала, природных ресурсов, даже самого человека, производящего новую информацию и знание в процессе своей деятельности.

В научной литературе отмечаются следующие *ключевые особенности информации (знания)*: универсальная делимость, потенциальная неисчерпаемость, воспроизводимость, отсутствие ограничений рамками территории (в том числе национальной), неисчезаемость при делении и потреблении. Именно эти качества информации (знания) как экономического ресурса в первую очередь и определяют специфику новой экономической реальности, ибо знание, информация экстерриториальны, они могут находиться одновременно в различных частях пространства, не препятствуя возможности их использования.

Сама же информация – очень специфический «товар». Если говорить об обмене информационными продуктами, то проданные знания (и иную информацию) нельзя забрать назад, выкупить, но при этом одну и ту же информацию можно продавать неоднократно, если это не идет вразрез с законом, что формирует *феномен интеллектуальной ренты*, в том числе в виртуальной форме. Проданная информация остается также в собственности продавца, который не расстается с ней, продав ее даже неоднократно. То есть товар-знание –

иной по своей природе тип товара и, соответственно, продажа информации – иная форма акта купли-продажи, при котором не происходит привычного отчуждения блага от продавца.

В то же время знания, информация резко обесцениваются во времени. При этом, информационный продукт, в отличие от материального, подвержен только одному виду износа – моральному.

Кроме того, структура издержек при производстве наукоемких благ отличается от обычных. Основная их часть приходится на начальный период производства – на изготовление первого экземпляра, себестоимость которого несоизмеримо выше по отношению к издержкам последующих серий. Одновременно наблюдается резкое снижение издержек тиражирования, что является важнейшей чертой, позволяющей товару-знанию и всем видам товаров, которые включают его в себя, распространяться гигантскими темпами по регионам планеты и социальным слоям. В связи с этим свойством и, одновременно, функцией товара-знания происходит изменение характера и структуры социально-экономической жизни в тех социальных нишах, которые соприкасаются с ним. Так, если в традиционной экономике деятельность нерегулируемых монополий приводит к завышению цен и снижению качества производимой продукции, то в «новой» экономике мы сталкиваемся с такими монопольными субъектами, которые увеличивают объемы производства

и снижают цены (например, ситуация с тарифами на услуги мобильной связи). Это становится возможным благодаря существенному снижению издержек вследствие использования новых технологий, которые дешевлеют гораздо быстрее, чем это наблюдалось во время предыдущих технологических революций. Такое принципиальное различие традиционных и новых социохозяйственных монополий вызывает особый восторг идеологов капитализма, но налицо слабая изученность этого нового феномена наряду с широтой его практического использования, что создает множество рисков и угроз⁶⁸.

В «новой» социохозяйственной среде возникает еще одна разновидность «внешних эффектов». Если в экономике традиционных товаров увеличение количества потребителей уменьшает полезность, получаемую каждым, ибо один и тот же объем благ приходится на все большее количество потребителей, то в случае с «товаром-знанием» человек сталкиваемся с таким явлением, как «сетевые внешние эффекты». В этом случае полезность блага для одного человека зависит от количества других людей, участвующих в процессе его потребления. Это приводит к тому, что возникает новая структура приоритетов монополий, которые в современных условиях заинтересованы не в сохранении монопольно высоких цен, а в максимальном, с тенденцией к монополизации рынка, их удешевлении. *Сам рынок в данном случае становится предметом монополизации, как конструкция обраще-*

ния товара, а не как какой-то конкретный товар.

Следующим результатом информационной технологизации современного социально-экономического пространства, начинающим играть ключевую роль в развитии хозяйственных отношений, является появление и все большее *распространение сетевых организационных технологий*. Они изменяют логику организации участников рынка, Благодаря им происходит переход от вертикально интегрированных хозяйственных и сопровождающих их финансовых структур к пространственно интегрированным. Эти изменения обуславливают перевод формальной возможности создания невиданного ранее феномена виртуальных корпораций в разряд реальных. При этом *новые информационные технологии меняют не только экономические параметры, но и влияют на политические, социальные и правовые аспекты жизни общества*. Достаточно упомянуть о появлении идеи и версий реализации «электронного правительства», о законодательном оформлении электронной подписи хозяйствующих и управляющих субъектов и др. Таким образом, в современных условиях «новая» идеология развития социохозяйственных систем меняет традиционные представления об источниках экономического роста и побуждает все большее количество исследователей обращаться к социально-экономическим последствиям использования информационных технологий.

Вместе с тем инновационные и информационные процес-

сы нельзя воспринимать абстрактно, поскольку понятно, что информация несет на себе глубокий след общественных отношений, отпечаток потребностей, интересов и ментальных черт тех общностей, преференции которых она отражает. В этом и состоит сущность социальной информации и, вероятно, всякого нового знания.

Нужно говорить также и о том, что информация и новое знание, не соответствующие внутренним закономерностям функционирования общества, его ментальной и культурной традициям, несут по отношению к нему массу деструктивных последствий. Поэтому, рассматривая данное проблемное поле, необходимо хотя бы кратко остановиться на социально-культурных последствиях и проблемах становления и развития новой высокотехнологичной социоэкономической реальности.

Итак, важнейшим результатом информационной технологизации социохозяйственной сферы и, одновременно, главным аргументом приверженцев данной интенции, является ее мощное влияние на экономический рост. Однако сам этот рост, в различных его понятийных импликациях, оказывается первым вопросом на пути обсуждения поставленной проблемы.

Кажущаяся очевидность объективной потребности всякого общества и человечества в целом в непрерывном экономическом росте подкрепляется целым рядом весомых аргументов. В первую очередь это расширение возможностей

человека по освоению планеты и ее ресурсов, по обеспечению все большей части населения продовольствием, другими необходимыми для жизнеобеспечения средствами существования и т. д. Если Томас Мальтус (1766–1834) в конце XVIII в. полагал, что проблема перенаселения планеты – это вопрос времени, ибо существует объективный закон роста населения в геометрической прогрессии, за которым не успевает рост средств жизнеобеспечения (растущих в арифметической прогрессии). В связи с этим он призывал к жесткому регулированию народонаселения. В условиях, когда общая его численность составляла менее 1 млрд человек, то теперь специалисты достаточно спокойно воспринимают цифру 10 млрд и более, в первую очередь, апеллируя к качественно изменившимся темпам экономического роста и появлению все более совершенных технологий, способных решать этот спектр проблем.

Но, необходимо подчеркнуть, что проблема экономического роста не является столь одномерной. Начать можно с феноменального, внешнего уровня – *не всякая современная культура демонстрирует высокие темпы экономического роста*. Наиболее высокими они оказываются в развитых странах, в связи с чем их отрыв от менее развитых не сокращается, а возрастает. Это, с очевидностью, обостряет множество планетарных социальных проблем, в первую очередь, проблем взаимоотношения между богатым «севером» и бедным «югом». При этом корни нарастания этой диспропор-

ции скрываются глубже – отнюдь *не все культуры являются носителями самой идеологии «роста», в том числе экономического, который потому и оказывается для них не органическим, а внешне обусловленным, навязанным европоцентричными культурами.* Большинству неевропейских культур, как показывает история, не присуща сама парадигма развития и роста, внутренняя система мотивации и ценностей, ориентированных на рост.

Так, традиционные культуры востока больше тяготеют к консервации сущего, а не к его трансформации, поэтому их развитие является лишь ответом на вызовы эпохи, способом самосохранения на фоне американско-европейской экспансии. Эти тенденции подтверждаются следующим очевидным фактом: большинство центральноазиатских республик бывшего СССР, несмотря на достаточно большой исторический период приобщения к европейской культуре благодаря влиянию России, встав на путь самостоятельного развития, буквально за несколько лет вновь вернулись в допросвещенческую эпоху, все более дрейфуя в направлении исламского фундаментализма без каких-либо иллюзий самостоятельного возвращения в просвещенное культурное пространство.

В связи с этим можно уверенно утверждать, что не только разработка всеохватывающей теории экономического роста, но и само всеобщее распространение идеологии роста является невыполнимой задачей. Следовательно, *экономический рост и все определяющие его факторы, являются, как*

*минимум, культурной принадлежностью лишь части человечества, что и является одной из крупнейших социальных проблем*⁶⁹.

Завершая фрагмент анализа, посвященный рассмотрению результатов информационной технологизации современного пространства экономической деятельности, подчеркнем, что «новые» реалии развития социохозяйственных систем, базируясь на знании и информации, науке, инновациях, имеют природу и производимый продукт, существенно отличающие этот высокотехнологичный цивилизационный тип от природы и продукта предшествующих экономических форм. При этом «новая» экономика предстает как реальность, включенная и взаимодействующая с иными культурными подсистемами, играя все более активную роль в эволюции социальности человеческого сообщества.

Эта новая реальность должна рассматриваться как целостный комплекс, который включает в себя производство нового инструментального знания (информации), его внедрение в социохозяйственную практику (производство, распределение, обмен и потребление благ), специальные формы организации и управления. Являясь порождением европейской и подобной по стилю рациональности российской культуры, идеи просвещения составили актуальные основания феномена «новых» социохозяйственных систем. Однако они (идеи) постепенно трансформировались в Европе под воздействием буржуазной реформации, а, распространяясь

в страны Азии, приобрели ряд специфических черт, отразившись во всех аспектах организации и управления жизнью общества, породив спектр новых перспектив и, одновременно, глобальных проблем в плане развития цивилизационных процессов и человечества в целом.

Резюмируя содержание этого раздела, отметим еще и следующие, на наш взгляд, весьма актуальные аспекты рассматриваемых здесь проблем.

Во-первых, как уже было показано выше, информационная технологизация социального пространства обеспечила мощный толчок к его трансформации на базе новых целевых приоритетов, кардинально изменивших характер субъектной и ассоциированной деятельности современного человека. Эти изменения настоятельно потребовали объективного снятия неопределенности в осмыслении природы, функций, содержательной структуры социальной информации и принципов ее циркуляции и воспроизводства в обществе. Благодаря этому сформировалась и стала быстро развиваться новая интенциональность в рамках практической философии (см. материал, представленный в § 1), а также и в сферах прикладного научного знания, что обусловило становление таких методологических конструктов, как: теория социальной информации и коммуникации, информология, теории маркетинга, *Public Relations*, рекламы и др. Мощный импульс к развитию получил и интегративный инструментарий информационно-аналитической деятельности, которая в этих

условиях стала все в большей степени востребована во всех сферах общественного производства.

Во-вторых, наряду с отмеченными выше последствиями информационной технологизации современного социально-го пространства нельзя не заметить и то обстоятельство, что рассматриваемое нами «общество знания» далеко не всегда оправдывает свое название. Так, Д. Белл (1919) констатирует тот факт, что резкий рост информационных потоков не привел к соответствующему росту знаний, что вызывает серьезную тревогу⁷⁰.

Разделяя эти тревожные ожидания, мы обращаем внимание также на процессы дегуманизации, столь характерные, как это было показано выше, для данного социума. Следует заметить, что такая ситуация чревата разрушением социокультурной преемственности трансляции знаний, ценностей, образцов, составляющих мировую сокровищницу культуры. При этом индивид, утопая в информационном шуме, все больше привязывается к насущной ситуации, пытаясь адаптироваться к ней. Благодаря этому формируется новый социальный тип, во многом отрешенный от интеллектуально-знаниевых ценностей, исповедующий принципы прямой рефлексии и линейного мышления, не дающих ничего кроме ощущений включенности в тот или иной локальный коммуникационный акт.

Этому активно способствуют и различные структуры информационного общества, продуцирующие в массовом объ-

еме мощную индустрию развлечений, построенную всецело на примитивных линейных коммуникациях, кульминирующих определенные психологические состояния субъекта, но не более того. В итоге, *консьюмеристские формы и механизмы коммуникации*, осуществляя интеграцию субъектов в современном обществе, воссоздают уникальную по своим жизненным признакам масштабную социальную когорту – *«пролетариат знания» – людей отлученных от интеллектуальной культуры, не способных к объективному познанию мира и его гармонизации информационно-знаниевыми средствами.*

В-третьих, аналогичная «интеллектуальная пролетаризация», как это ни парадоксально, характерна и для современного научного сообщества. В его структуре всегда было достаточно много «шлака», но именно сегодня эти субъекты быстро размножаются, используя различные коммуникационные практики самопрезентации, имитирующие «потенциал» их социальности. Правда, эти индивиды легко фильтруются благодаря их особому поведению в процессе осуществления названных практик. Дело в том, что прожекты и преференции, о которых они вещают, адаптируясь к конъюнктуре тех или иных направлений научных изысканий, бытийствуют лишь в форме симулякров, ибо презентуют только процесс, но не результат; создавая мнимый образ научной компетенции, без каких-либо перспектив ее развития.

Такие представители околонучной общественности, не

имея возможности самоутвердиться на фоне научного Логоса, активно коммуницируют по поводу решения вопросов организации научной деятельности, определения ее направлений и выработки критериев оценки получаемых результатов. *В таком коммуникативном процессе опустевшее место научной истины занимает конвенция, благодаря которой и сохраняется видимость усилий, направленных на развитие научных изысканий. В этих условиях гибнет не только научная истина, а сама возможность ее проявления.* Трагизм этой ситуации отмечал еще Гассет, подчеркивая, что «...особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду»⁷¹.

И, наконец, все представленные в этом параграфе положения отражают структуру проблемного поля современной информационной аналитики. Очевидно, что рассмотренные здесь направления процесса информационной технологизации социальной среды и соответствующие им проявления новой масштабной социальности выступают в качестве чрезвычайно актуальных направлений аналитических исследований, результаты которых должны обеспечить возможность создания новых технологий преобразования этой действительности, с учетом постоянно обновляемых предпочтений человека познающего и действующего.

В следующем разделе мы попытаемся расширить конту-

ры проблемного пространства информационной аналитики, кульминируя интенцию управления современными инновационными процессами.

§ 3. Управление инновациями в фокусе современной аналитики

Современный мир представляет собой динамично развивающуюся систему, в структуре которой постоянно проявляются инновационные изменения. Они затрагивают не только элементную и параметрическую компоненты этой структуры, но и функциональную, которая определяет направления и основные тенденции развития этого мира. Поэтому можно утверждать, что современный инновационный процесс, разворачивающийся в различных сферах социального бытия, предполагает изменения не только на уровне *деформации и реформации структуры объектов*, но и их *трансформацию, т. е. изменение целевой функции развития*.

Очевидно, что характер этих изменений должен быть обусловлен целеосознанной деятельностью человека, его видением желаемого будущего, которое предварено в его сознании в виде прогнозных моделей, которые он стремится воплотить в реальности, объективировать. При этом понятно, что формирование системных абрисов будущего и, тем более, технологии его целедостижения требует серьезного анализа по разработке не только целевой функции развития того или иного объекта, но и стратегического плана ее (функции) реализации. Именно поэтому мы и актуализируем *аналитику и прогностику в качестве базового средства управ-*

ления современными инновациями, ибо характер последних, к сожалению, далеко не всегда преддетерминирован актором, а в большей части обусловлен мозаичным настоящим, порождающим массу импликаций, многие из которых способны стать индукторами различных форм социальной деструкции.

Обращаясь к понятиям инновации и инновационного процесса, мы настаиваем на том, что они определяют существенные – порой, трансформационные изменения в объекте. В связи с этим, возникает необходимость в сущностном анализе этих явлений с целью определения их онтологического статуса.

Итак, любое изменение единично (уникально по отношению к данным обстоятельствам), а значит, несет в себе обновляющую потенцию. По этому, обновление является аспектом всякого изменения. В свою очередь, любое изменение обновляет мир, хотя в них подчас присутствуют и необновляющие аспекты (воспроизводство частного или общего). Поэтому, именно аспект *производства единичного делает изменение обновлением*. Но, с другой стороны, сами инновации не являются модусами изменения – они образуют особый класс, ибо *инновации есть метаморфозное проявление существенно нового*. По этим причинам социальный мир не просто развивается, он *метаморфозно обновляется* благодаря инновационной деятельности человека.

В свою очередь, сущностный метаморфоз специфических

видов материи включает в себя как минимум четыре момента:

- структурные изменение исходного состояния;
- интеграцию видоизменяющегося в специфический субстрат;
- проявление ассиметрии в субстанциональном взаимодействии;
- спонтанное отклонение и возникновение новой формы движения в ее противоречивом единстве с исходной⁷².

Как видно, последняя стадия метаморфоза фиксирует те существенные изменения объекта, которые обуславливают реальную возможность его дальнейшего функционирования в новом качестве. По этому, под *инновацией* понимаются такие формы реорганизации в структуре объекта, которые повышают потенциал его саморазвития и самоорганизации и приводят к значительным изменениям в его параметрической и функциональной компонентах. Эти изменения могут проявляться в смене мировоззренческих оснований, типов общественных отношений, технологических укладов, поколений техники и технологии, управленческих стратегий, качества жизнедеятельности человека, общественных групп и социума в целом.

По своей сути обновление есть нарастание различия в окружающем нас мире, причем в этом нарастании, всегда найдется отношение, в котором новое абсолютно нетождественно тому, что было. Можно согласиться с общеприня-

тым определением нового, как того, «чего не существовало раньше вообще». Но правильным бы было назвать новым такое явление, которое несет в себе прирост к содержанию до него существовавшего мира. В инновационных процессах прирост значителен и специфичен. Если в обновлении он может выступать в виде признаков, свойств, функций и отношений, то в *инновационности он выступает в вещной, предметной форме.*

Возможна следующая формула записи указанного фундаментального свойства «нового». Обозначим АН прирост содержательности по сравнению с содержанием, в котором появляется новое. Тогда содержание, возникшее в процессе обновления (Н) можно представить в виде следующей зависимости:

$$H = H_1 + \Delta H,$$

где H_1 – привносимое в новое содержание нечто из старого, имеющегося. При этом H_1 и ΔH никогда не могут быть равны нулю. Иными словами, для названных процессов характерен закон увеличения содержательности исходного обновления состояний мира⁷³.

Этот «закон» известен под названиями «эффекта эмеджерности», «эффекта развития», который свидетельствует об объективной перманентности инновационного процесса.

Учитывая изложенное можно заключить, что под **инновационным процессом** понимается *динамическая система взаимообусловленных и скоординированных во времени явле-*

ний существенной реформации и трансформации базовых свойств какого-либо объекта. Вектор этого процесса направлен в сторону гармонизации связей и отношений объекта с внешней средой. Это целевая функция или идеология развития любого инновационного процесса.

В этом и заключается суть инновационных процессов и их механизма – метаморфозы, ибо объект изменяется по существу, где налицо метаморфоз обновления.

Очевидно, что данный процесс осуществляется и поддерживается человеком, реализующим свою потенцию к целосознанной деятельности. Одной из основных форм указанного обновления является *творчество*, более того, вне творчества никакие инновации в социальной среде вряд ли возможны.

Творчество – столь уникальное и самобытное явление, что не входит ни в один ряд бытия и само образует таковой. Можно полагать, поэтому, что творчество имеет собственный субстрат, атрибутику и структуру, которые и могут служить основаниями для других явлений. Именно поэтому понятие творчества и обладает категориальным статусом. Оно (творчество), являясь основным средством обновления социальной материи, служит основанием развития, предстает видом детерминации, взаимодополняется трудом, в развитых своих формах оно оказывается производством нового, сочетается со свободной деятельностью, но в рамках существующих детерминаций выступает лишь частично упо-

рядоченным, как правило, нелинейным процессом, реализуемым через посредство социальности человека.

Таким образом, *творчество – это прогрессирующая и частично управляемая человеком совокупность инновационных преобразований различных форм вещества, энергии, информации и функций через элементы культуры – технику, искусство, науку, философию, что и составляет многообразие изменений в сфере развития социальной материи.*

В процессе творчества субъект использует нетрадиционные формы познания и деятельности или модифицирует, имеющиеся в его арсенале различные элементы традиционного инструментария. Все эти инновационные средства называются эвристическими. Сама же *эвристика*⁷⁴ понимается как особая организация процесса продуктивного мышления и деятельности, благодаря которому порождается система процедур, необходимых для решения инновационных задач, как в сферах познания, так и реальной практики.

В связи с изложенным, сам *феномен инновационной деятельности* можно определить как *процесс целеосознанного познания и/или преобразования человеком различных модулей окружающей действительности с использованием эвристических средств. Он (процесс) направлен на гармонизацию связей и отношений в структурах социального бытия и способствует развитию социальности субъекта через формирование в его сознании более совершенных образцов инструментального знания и предметно-деятельностной практики.*

ки.

Теперь после обоснования содержания основных понятий обратимся непосредственно к анализу заявленного в этом разделе проблемного поля.

Сейчас происходят коренные изменения в структуре функциональных оснований управления всеми сферами человеческой деятельности, обусловленные широким применением новых информационных и наукоемких технологий, меняющимся балансом централизации и децентрализации в различных системах менеджмента. По сути, современный субъект управленческой деятельности сегодня поставлен в условия, которые предполагают необходимость координации и субординации различных нововведений и их продуктивного использования. Тем не менее, в большинстве своем этот субъект продолжает действовать по принципу «минимакса» (минимум издержек – максимум результата), не очень заботясь об отдаленных перспективах, не обращая внимания на возможные следствия различных социальных эффектов.

Вместе с тем, фундаментальное требование эффективности современного управления предполагает знание «природы человека», включенного в различные порядки инновационной деятельности. Это объективное требование предполагает необходимость продуктивного использования потенциала *антропоориентированной методологии* при разработке и реализации различных управленческих стратегий. Поэтому, вполне естественно, что в настоящее время в каче-

стве главных движущих сил развития социальности начинается просматриваться так называемый «гуманитарный тип общественного и экономического роста»⁷⁵, характеризующийся не только научным знанием, творчеством человека, но и его выраженными аналитическими способностями, необходимыми для упреждающего управления многочисленными проблемами.

Рассмотрим некоторые из тенденций развития современных социальных структур, которые следует принимать во внимание при проведении информационно-аналитических изысканий и последующего конструирования концептуального каркаса обновленной методологии управления инновациями.

Во-первых, на данном этапе развития общества ведущее место принадлежит глобальным информационным технологиям, способствующим тому, что место управления вещами занимает управление людьми. При этом базовой проблемой менеджмента становится дилемма: «свобода – детерминированность поведения человека». Отечественный исследователь С. А. Дятлов эту ситуацию комментирует следующим образом: «По сути, здесь речь идет о свободе и безопасности человеческой личности в самом широком смысле этого слова – в смысле цели, способа и формы свободного волеизъявления, безопасного существования и жизнедеятельности человеческой личности»⁷⁶.

Во-вторых, сегодня все более рельефно проявляется тен-

денция к глобализации мировой экономической системы, которая сопровождается, одновременно, регионализацией и фрагментацией, что в условиях наступающего энергетического и экологического кризиса наряду с ростом народонаселения мира все в большей степени провоцирует использование внеэкономических методов регулирования различных уровней и порядков социальных отношений⁷⁷.

В-третьих, усиливается тенденция к более широкому применению в современном менеджменте методов «корпоративной войны» и теории стратегий, включающей азиатские варианты реализации социоэкономических взаимодействий и соответствующую им философию. Известно, что философские знания в том же Китае всегда были неразрывно связаны с социально-политической проблематикой, разрешение которой требовало высокого уровня искусства управления. Не случайно, многие стратегемы, присутствующие в сочинениях мыслителей Древнего Китая, вошли органической частью в современные труды по менеджменту и стали использоваться в обучении персонала компаний основам бизнеса и маркетинга. Этим и объясняется, в частности, успех стран Восточной Азии (Китая, Южной Кореи, Японии и др.) в экономическом подъеме, в успешном применении стратегий ведения «войны» в международном бизнесе.

В-четвертых, все более отчетливо проявляется тенденция становления информационной фазы постиндустриального общества – общества знаний, основанного на наукоемкой

экономике, когда крайне необходимо продуктивное управление процессами получения и использования инструментальной информации, составляющей каркас современной системы информационной аналитики и ее результата в форме профессионального знания. Специфика этого общества, его структуры (социальных групп и различных сообществ) заключается в их выраженной нестабильности, необычайной хрупкости, ибо широкое распространение инструментальных знаний позволяет человеку быстро наращивать (либо, наоборот – утрачивать) свой личностный профессиональный потенциал и стремительно осуществлять как вертикальные, так и горизонтальные перемещения в этой структуре⁷⁸. Экспертные оценки социальной роли знания показывают, что их распространение влечет за собой как «непредвиденные» риски и неопределенности, так и освобождающий потенциал действий индивидов⁷⁹.

Анализ указанных тенденций постепенно приводит специалистов в области теории управления (С. Бир, П. Вэйлл, П. Э. Лэнд) к пониманию того, что инновационные решения сегодня приходится принимать и осуществлять в условиях риска, неопределенности, дефицита времени и информации. По этим причинам реальные социохозяйственные ситуации (в большинстве своем) уникальны по своей природе, и очень часто менеджер сталкивается с тем, что обстоятельства, которые невозможно формализовать или даже просто учесть, – приобретают первостепенное значение. Поэтому учение о

руководстве поведением людей нельзя в полной мере свести к составлению алгоритмов управления и изложить исчерпывающим образом. В работе руководителя существенное место занимают аналитические, творческие и эвристические операции, но именно эти компоненты и не поддаются полной формализации. Следовательно, в своих развитых формах руководство людьми это свободная творческая деятельность, основанная на научных знаниях и результатах постоянных информационно-аналитических изысканий, сочетающая в себе приемы ремесла и профессиональные навыки⁸⁰ владения методами современной аналитики, ее логическим и эвристическим инструментарием.

Именно по этим причинам методологические подходы к управлению все в большей степени апеллируют сегодня к сложности, нелинейному, многомерному и многоэтажному характеру различных социальных модулей, являющихся объектами, одновременно, современной аналитики и менеджмента. Поэтому весьма плодотворным для анализа проблем управления инновациями является модель многослойной конструкции с соответствующей системой ценностно-и целерациональной деятельности в сферах: экономики, политики, воспроизводства социальности, искусства, науки и техники, между которыми существует глубокая взаимозависимость, имеющая выраженный аксиологический знак.

В силу этих обстоятельств современное понимание сути управления существенно отличается от первоначальных

представлений о нём. Теперь оно, прежде всего, подразумевает универсальный характер процедур, ориентированных на *управление проблемами ценностного плана*, которые обусловлены обширной социальной синергией. При этом, «... ценности разнообразны, как формы облаков»⁸¹. В силу этого, стремление субъекта управления к формированию строгих линейных связей с объектом нивелирует это разнообразие, разрушая основы его (объекта) социальности, девальвируя потенциал его инновационного развития.

Управление, по сути, представляет собой процесс взаимодействия компонентов системы, который осуществляется избирательно и направлен на получение фокусированного результата. Результат, в силу его физического несуществования до момента достижения, задаётся функционально, а процесс его достижения обеспечивается посредством усилий субъекта направленных на получение, переработку, анализ и использование информации. Предполагается, что этот результат задан действием какой-либо закономерности, относящейся к соответствующей предметной области. Если результат не изменяется во времени, имеет место частный случай управления – регулирование, а система управления в этом случае называется гомеостатической.

Но сегодня накопленные представления о системном гомеостазе показали наличие гораздо более сложных отношений между комплексом целей управления (в частности, наличия целей управления, обусловленных стремлением си-

стемы к сохранению себя как целостной структуры) и организационным взаимодействием его (управления) каналов. Эти представления сегодня все в большей степени отдаляются от подхода, характерного для классической теории управления, становясь ему чуждыми в принципе.

Однако при всем стремлении апологетов ортодоксальной теории управления к строгим постановкам задач, формализации используемых методов и подходов, разработка реальных систем и технологий управления в огромной степени базируется на *эвристической основе*. *По сути эвристическим остается и главный выбор субъекта управления – между содержательной точностью постановки задачи (сложность описания объекта) и возможностями ее формализации и строгого решения.* Дилемма «простое описание – точное решение» или «сложное описание – неформализуемая постановка задачи и приближенное решение» в теории управления всегда была принципиальной, хотя часто и оставалась за рамками дискуссий в силу неполного понимания ее апологетами социальности объекта этой теории – носителя мультипликационных эффектов.

Вместе с тем, сам эвристический путь совершенствования как теории, так и практики управления может быть частично заимствован из лона системологии, в рамках которой он представляется, в основном, через выработку обобщающих концепций методологического плана. Среди них – общая теория систем Л. фон Берталанфи, кибернетика Н. Ви-

нера, функциональная теория систем М. И. Сетрова, многочисленные ветви системного анализа, системотехнические и системологические работы, наконец – «глобальные идеи», которые уже позиционированны в структуру современной теории управления, такие как обратная связь, адаптация и др.

Теперь обратимся непосредственно к вопросу, находящемуся в центре заявленного проблемного поля. Возможно ли управление инновациями? Очевидно, ответ на этот вопрос зависит от того насколько предсказуемо их проявление. Если их возникновение стохастично, то управлять ими невозможно, но, если их развитие регулятивно, то инновации вполне управляемы, ибо появляется возможность изменения факторов их фундации.

Казалось бы, что ответ на этот вопрос прост: поскольку инновации выражены в вещной форме, то они вполне управляемы. Однако не все так просто. Дело в том, что возможными инновации делает *субъектное творчество*, а оно, по сути, процесс во многом стихийный. Поэтому, традиционное экстраполяционное прогнозирование, в этом случае, оказывается неэффективным в силу того, что мы не можем предсказать возможные качественные изменения (инновации), которые порой задают совершенно новые порядки в развитии социального объекта (объекта управления).

В то же время было бы неправильно абсолютизировать стихийность в творчестве и переносить ее на весь инноваци-

онный процесс. На самом деле, прежде чем творчество станет инновацией, то есть превратиться в вещь, – оно претерпевает иные метаморфозы. Результатом творчества является открытие, которое никогда не имеет вещных форм. Инновации же существуют лишь в качестве прикладных аспектов открытия. Поэтому между открытием и инновацией возникает разрыв, ибо не всякое открытие становится инновацией. Но любое открытие обладает собственной ценностью, так как углубляет наше понимание мира. В то же время любая инновация социально значима лишь постольку, поскольку она способна изменить этот мир.

Следовательно, будучи прямым порождением творчества, открытие стихийно, случайно, неуправляемо. Но инновация, будучи следствием открытия, существует иначе. В разрыв между открытием и инновацией входит *субъектный замысел*, возникающий в силу осознания человеком некоей *ценности*, благодаря которому открытие и имплицитно свои возможные практические (вещные) следствия. Именно поэтому управление инновациями становится возможным, так как они тесно связаны с *ценностями и мотивами преобразующей деятельности* человека. В связи с этим и актуализируется *антропоориентированный подход* к данной проблеме. Его суть состоит в том, что *управляемость* процесса инновационной деятельности всецело обусловлена *возможностями согласования разнонаправленных интересов и целей людей на основе определенной системы социальных ценно-*

стей. По сути, речь идет об *идеологии*, способной консолидировать усилия людей в рамках рассматриваемого процесса. Последняя предстает в форме системной целостности – {цель + технология целедостижения}, благодаря которой инновационная деятельность и обретает аттрактивность, определяя, в какие формы инноваций будут «отлиты» результаты тех или иных открытий.

При этом указанное определение целей (и ценностей) отнюдь не должно являться прерогативой властных субъектов, ориентированных, порой, только на использование принципа «минимакса». Проблема состоит в том, что управление инновациями, оставаясь открытым (не зарегулированным) процессом, не приемлет директивных техник менеджмента, в основе которых лежит все та же экстраполяционная схема, построенная исключительно на линейных связях. В противном случае, утрачивается обратная связь с многочисленными проявлениями последствий внедрения инноваций, что уже сейчас приводит нашу российскую социальность к целому ряду деструктивных системных эффектов. О. Тоффлер в свое время отметил, что, стремясь «...предотвратить шок от столкновения с будущим... мы не можем позволить себе непродуманных решений...» В противном случае «...это означает, совершить коллективное самоубийство»⁸².

В силу этого, стратегическое управление инновационным процессом должно быть реализовано отнюдь не субъектами власти, а *экспертами-аналитиками*, способными создать

научно обоснованные *модели развития новых форм консолидации деятельности людей на основе социально значимых ценностей*. Дело в том, что механизм стратегического управления инновациями чрезвычайно сложен, что предполагает использование принципов социальной самоорганизации при прогнозном определении результатов инновационной деятельности. В этих условиях и кульминируется роль *экспертизы*, как главного инструмента при создании рассматриваемых управленческих стратегий.

Экспертный взгляд на процесс самоорганизации метаморфозно изменяющейся российской социальности чрезвычайно актуален именно сегодня. Он, в первом приближении, показывает, что под осцилляторами следует понимать различные формы и порядки не всегда четко структурированных современных социальных практик, под аттракторами – инновационную деятельность. В этой системе детерминированного хаоса аттракторы неизбежно ведут к целям – инновациям. Спектр последних чрезвычайно разнообразен в силу отсутствия базовой социальной идеологии, что и обуславливает безграничный горизонт этих целей. Поэтому российская социальность «обречена» на хаотичные инновационные изменения и в этом смысле неуправляема. Но управление инновациями в данной ситуации возможно в ином формате – оно может быть реализовано через *социальные ценности*. При этом аксиологические установки будут действовать как модуляторы, «разрешая» те инновации, которые со-

ответствуют наличным социальным приоритетам, и «запрещающая» иные. Если базовым ценностным параметром является «потребление», о чем цинично свидетельствуют многочисленные проявления нашего наличного бытия, то соответственно будут реализовываться те инновации, которые соответствуют этой социальной преференции.

Но представленная закономерность не распространяется на открытия. Они, являясь продолжением действия природы в обществе, нейтральны как в этическом, так и в аксиологическом отношении. С другой стороны, бесстрастность природы открытий исчезает, когда в дело вступает пристрастие человеческих предпочтений, продиктованных ценностным параметром. Изменение этого параметра очевидным образом изменит и набор реально реализуемых инноваций.

Из сказанного еще раз следует то обстоятельство, что директивное управление процессом инновационной деятельности невозможно, ибо в ее основе лежит все та же экстраполяционная схема. С другой стороны, процесс управления, построенный на основе результатов комплексного информационного анализа, наоборот, предполагает применение инструментальных знаний о современной социальной синергии и ее принципах в рамках процесса инновационной деятельности.

Кроме того, представляется достаточно очевидным, что одних только методов, привнесенных из естествознания, для описания феномена управления сегодня явно недостаточ-

но, – требуется более широкий взгляд на эту проблему, и, прежде всего, взгляд с позиций *практической философии, использующей методологию анализа*. Такой инструментальный разворот к проблемам современного управления объясняется рядом причин, в первую очередь, как местом и ролью управления в жизни общества, так и отдельного индивида, ибо завязанный на соперничество и противоборство партикулярный обмен деятельностью без управленческой оснастки сегодня уже невозможен. В действительности, – «в духе и мире» человечество поляризовано, ценностно разобщено, консолидировано не истиной (В. Соловьев), а выработкой баланса сил в получении выгод. Главная задача философии менеджмента, при этом, состоит в обобщении и ревизии приемов и навыков навигации в метаморфозно изменяющемся мире, в обозначении контрфорсов, стимулов и отработке гарантий в достижении оптимумов новых социальных изменений. Именно поэтому современное общество с очевидностью не может развиваться без наличия различных систем и уровней управления, поскольку оно состоит из индивидов, каждый из которых обладает своими интересами, потребностями и возможностями, опытом и умением действовать. Проблема состоит в том, чтобы научиться жить вместе достойным образом – *разрешать возникающие противоречия средствами согласования разнонаправленных интересов людей, средствами поиска консенсуса в процессе инновационного преобразования бытия. По сути – это проблема «...*

индивидуальных действий и пределов их объединения»⁸³. К этому следует добавить, что данное объединение должно быть достаточно устойчивым и одновременно потенциально гибким, что необходимо для развития порядков социальности и упреждающего управления этим процессом на разных уровнях организации современного общества.

Завершая этот раздел, подчеркнем, что сегодня сама жизнь медленно, но верно начинает опровергать циничную формулу функционеров от управления: «чем бы ни управлять, лишь бы не работать», получивших руководящие должности вследствие различных лоббистских подпорок, превративших этих субъектов в тупых и безответственных исполнителей воли «свыше». Очевидно и то, что современный субъект управления – это в первую очередь профессиональный аналитик, способный к принятию самостоятельных решений на основе глубоких инструментальных знаний, подкрепленных личностными нравственными принципами и богатой профессиональной социальностью.

В конечном счете, необходимо признать, что социальная действительность это проекция внутренней природы человека, как существа способного оценивать и преобразовывать этот мир. Инновационная деятельность и инновации становятся орудиями этого преобразования. Надо в то же время ясно понимать что, изменяя реальность, человек изменяет и свои ценностные приоритеты. В скором времени эти изменения примут необратимый характер и направление ин-

новаций, внедряемых в структуры нашей жизни, будут все в большей степени определять ценностный, а, следовательно, и социально-деятельностный облик нашего общества. И если наше будущее нам не безразлично, мы должны прилагать максимум усилий к планированию потока социальных нововведений и управлению инновационной деятельностью не на партикулярном, а на номотетическом уровне фиксации социетально значимых ценностных ориентиров.

Таковы, на наш взгляд, перспективы развития форм человеческой деятельности, порождающей не только очередные метаморфозы нашего бытия, но и новые способы конструктивного управления инновационными процессами. Эффективность последних всецело обусловлена результатами *информационно-аналитических изысканий*, позволяющих разработать *технологии согласования различных предпочтений субъектов социального действия*, призванных снизить фон фатальной неопределенности и конфликтности в глобальных и локальных взаимодействиях на уровнях: человек-природа, человек-человек и человек-общество.

Учитывая непреходящую востребованность результатов современной информационно-аналитической деятельности, в следующем разделе мы рассмотрим наиболее значимые признаки, свидетельствующие о ее институциональном статусе.

§ 4. Институционализация системы современной информационно-аналитической деятельности

Понятие «институт» (от лат. *Institutum* — установление, учреждение) было заимствовано, в первую очередь, социологией из области юриспруденции, где его использовали для характеристики отдельного комплекса юридических норм, регулирующих социально-правовые отношения в некоторой сфере. Такими институтами считались, например, наследование, брак, собственность и т. п. В контексте избранной нами предметной области понятие «институт» сохраняет эту смысловую окраску, однако приобретает более широкое толкование в плане обозначения некоторого особого типа устойчивой регламентации социальных связей и различных организационных форм социального регулирования поведения и профессиональной деятельности субъектов.

Институциональный аспект является традиционной областью преференций социологической науки. Он находился в поле зрения мыслителей, с именами которых связывают ее становление (Огюст Конт (1798–1857), Герберт Спенсер (1820–1903), Эмиль Дюркгейм (1858–1917), Макс Вебер (1864–1920) и др.). В их трудах социальные институты (семья, государство, религия и др.) рассматривались с позиций

их включенности в процессы социальной интеграции и выполняемых ими функций.

Например, социальная статика Конта опиралась на положение о том, что институты, верования и моральные ценности общества функционально взаимосвязаны, и объяснение любого социального явления в этой целостности подразумевает нахождение и описание закономерностей его взаимодействия с другими социальными явлениями⁸⁴. Причем главной прерогативой любого института полагалась регулятивная функция, благодаря которой и формируется устойчивая структура социальных действий⁸⁵.

Эту функциональную интенцию развивал и Э. Дюркгейм, придерживавшийся идеи о позитивности общественных институтов, которые выступают важнейшим средством самореализации человека. Он высказался за создание особых институциональных структур, поддерживающих порядки солидарности в условиях разделения труда – *профессиональных корпораций*. Последние, в свою очередь, трактовались уже Толкоттом Парсонсом (1902–1979) как особым образом организованные «узлы» и «связки» социальных отношений. В общей теории действия социальные институты выступают и в качестве особых ценностно-нормативных комплексов, регулирующих поведение индивидов, и в качестве устойчивых конфигураций, образующих ролевую структуру общества⁸⁶. Следует подчеркнуть, что нормативно-ролевое пред-

ставление о социальных институтах, существующее в структурно-функциональной социологии, является наиболее распространенным в современной научной литературе. Добавим, что институциональная линия в той же социологии актуализирует эти организационные структуры в плане выполнения ими тех или иных объективно значимых социальных функций⁸⁷ и, соответственно, достижения некоторых социетальных целей.

Итак, социальный институт можно определить как «общность людей, выполняющих определенные профессиональные роли на основе и посредством социальных норм и целей»⁸⁸, утвердившихся на уровне общественного сознания. Но гораздо более содержательной представляется дефиниция, которая опирается на комплексную характеристику социального института и содержащая указания на различные аспекты его многосторонней сущности. Именно так рассматривал данный социальный феномен Нейл Смелзер (1930). В его транскрипции социальный институт есть комплекс, охватывающий, с одной стороны, совокупность ценностно-нормативно обусловленных ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенных социальных потребностей, и с другой – социальное образование, созданное для использования ресурсов общества в форме интеракции для удовлетворения этой потребности⁸⁹.

К числу общих признаков социального института можно

отнести:

- выделение определенного круга субъектов, вступающих в процессе деятельности в определенные отношения, приобретающие устойчивый характер;

- присутствие определенной (более или менее формализованной) организации, определяющей характер и направленность консолидированной профессиональной деятельности;

- наличие специфических социальных норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках социального института;

- наличие социально значимых функций института, интегрирующих его в социальную систему и обеспечивающих его участие в процессе интеграции последней⁹⁰.

Эти признаки не являются нормативно закрепленными, но в целом выступают вполне адекватным инструментом для анализа процессов институционализации различных социальных образований.

Полагаем, что этот краткий экскурс в сферу социологии вполне достаточен для понимания существа различных институциональных образований и последующего рассмотрения их генезиса в контексте избранного нами предметного поля⁹¹.

Фокусируя свое внимание на *системах современной информационно-аналитической деятельности*, мы апеллируем к положениям Никласа Лумана (1927–1998), который

актуализирует коммуникационную функцию социума и доказывает, что именно она «... конструирует структуру общественных отношений, воспроизводящих сами себя»⁹². Именно поэтому *общественные системы представляются как системы действий, построенные на основе коммуникации.*

Этот посыл открывает доступ к трем взаимосвязанным методологическим комплексам, которые рассматривал Юрген Хабермас (1929):

– понятию коммуникативной рациональности, которое предполагает включение в информационный процесс субъектов – носителей определенного знания с целью не только трансляции и развития этого знания, но и создания принципиально новых информационных совокупностей;

– двухступенчатой концепции общества, которая связывает жизненный мир субъекта с пространством и динамическими императивами развития социальной системы посредством разнообразных коммуникативных актов;

– наконец, теории модерна, которая объясняет сегодняшние социальные патологии посредством указания на то, что коммуникативно-структурированные жизненные сферы подчиняются императивам, ставшим самостоятельными признаками формально организованных систем действия⁹³.

Именно поэтому объективные знания об обществе и составляют информационную основу для управления всеми социальными процессами. Очевидно, что рассматриваемая

нами деятельность формируется и развивается на базе указанного информационного субстрата. Эта интенция и соответствующий ей подход помогают *конституировать социальную роль информационной аналитики и одновременно определить механизм использования ее результатов в практике управления развитием социальных отношений и взаимосвязей институтов власти и социума*. Полагаем, что этого аргумента уже вполне достаточно для начального обоснования *институционального статуса современной информационной аналитики*.

Для подтверждения этой аргументации обратимся к концепции П. Бурдьё, основанной на положении о информационной аттрактивности развития современного общества и соответствующих принципах структуризации его порядков, предполагающей выделение «социальных полей», «*Habitus*» и форм «символического насилия».

Напомним, что «*социальное поле*» – это некая сложившаяся совокупность отношений и сил, которые навязываются всем акторам, входящим в данное пространство. *Habitus* – это структурированное социальное отношение; совокупность схем интеграции различных полей, система долговременных групповых и индивидуальных установок, ориентаций, функционирующих как матрицы восприятия, постановки целей решения задач, действий. *Habitus*, структурируя восприятия, мышление и поведение, воспроизводит социально-культурные правила, «стили жизни» разных со-

циальных групп. «Символическое насилие» – необходимая функция институциональных структур, средство обеспечения признания их легитимности. С его помощью производится трансформация восприятия, кристаллизация отношений на уровне «господство – подчинение»⁹⁴.

Теперь попытаемся позиционировать *функции* информационно-аналитической деятельности (ИАД) не только в системе социальных коммуникаций в целом, но и в структурах методологических топосов П. Бурдье, описывающих направленность и характер развития указанного целого. Эта позиционность может быть представлена в форме следующих посылов.

Учитывая, что общественное сознание во всей многогранной структуре его форм, уровней и проявлений оказывает фундирующее влияние на индивидуальные и консолидированные действия людей, понятие *habitus* (внешность, наружность) наиболее близко к содержанию характеристик массового сознания и наиболее распространенной его формы – общественного мнения. Последнее чаще всего и является предметом коммуникационного менеджмента. Объектом в данном случае выступает некое социальное пространство, совокупность отношений и сил которого подлежит коррекции с использованием средств информационных технологий.

В связи с тем, что между «полем» и *habitus* существует генетическая взаимосвязь (объективные позиции, занимаемые

людьми, порождают определенные принципы их изменения и развития), то для того, чтобы эффективно управлять общественными процессами, необходимо знать особенности формирования этих позиций, что и обуславливает реальную возможность корректировать их генезис. Благодаря этому объективному знанию, формируемому в процессе ИАД, и проявляется потенция к оптимальному согласованию разнонаправленных интересов людей и, как следствие, гармонизации разнообразных структур социальных отношений, что и составляет основу целевой функции информационной аналитики в целом.

Еще одна важнейшая социальная функция ИАД, кульминированная в процессе развития традиционных институциональных структур, – легитимизация статуса последних. Известно, что информационно-аналитические структуры очень часто создаются с целью формирования в общественном сознании неких иллюзий толерантности, лояльности, замирности и пр. в процессе различных субъект-объектных отношений. Это необходимо для маскировки «символического насилия» и утверждения в общественном сознании легитимности власти посредством системы массовых коммуникаций. Своего рода посредниками между властными структурами и общественностью выступают определенные акторы, транслируя теми или иными технологическими средствами определенным образом сконструированную информацию, реализуя тем самым заказы институционализи-

рованных субъектов.

Благодаря приведенным выше функциям информационная аналитика выстраивает алгоритм и тем самым способствует решению следующих социальных задач, имеющих непреходящую актуальность:

- интеграция индивидов в различные социальные общности, а последние – в единую социетальную целостность;
- внутренняя дифференциация общества, составляющих его общностей, социальных организаций и институтов;
- социокультурная, профессиональная и др. самоидентификация общностей в процессе их коммуникационного взаимодействия, что способствует более эффективному выполнению имманентных им функций;
- реализация определенной аттрактивности в циркуляции социальной информации – направленности движения смыслов, целей и ценностей в социальном времени и коммуникативном пространстве, что необходимо для эффективного осуществления различных форм консолидированной деятельности, поддерживающей целостность общества и обеспечивающей его устойчивость;
- создание предпосылок для подготовки, принятия и осуществления управленческих решений, направленных на дальнейшую технологизацию социального пространства.

Решение перечисленных выше и многих иных актуальных задач средствами информационной аналитики, безусловно, свидетельствует об институционализации этого инструмента

социального воспроизводства, посредством которого качественно удовлетворяются разнообразные потребности и интересы людей. Началом этого процесса можно считать появление социально обусловленных потребностей в познании и понимании различных форм динамично изменяющегося общественного бытия с целью последующей регуляции его модусов. В настоящее время этот процесс находится в стадии формирования устойчивых и самовоспроизводящихся системных связей в структуре самой информационной аналитики, а также в организационных структурах, обеспечивающих реализацию этой деятельности, а значит, и указанных выше функций и задач.

В результате такой институционализации различные *формы информационно-аналитической деятельности* благодаря ее безусловной актуальности *обретают свойство социальной объективности*. Одновременно происходит формирование норм, правил и процедур, необходимых для институциональной деятельности. Она предполагает активное взаимодействие общественных и управленческих структур различного типа (государственных и частных) в областях, связанных с познанием существа различных социальных явлений и процессов; формированием, воспроизводством и трансляцией социальных ценностей; продвижением различных систем инструментального знания и соответствующей ему (знанию) идеологии; и, наконец, управлением социальными (моно- и кросскультурными, организационными, тех-

нико-технологическими и др.) отношениями в различных сферах общественной жизни.

Институционализацию как таковую сложно представить без использования *организационных ресурсов*, необходимых для осуществления и упорядоченного функционирования системы информационно-аналитической деятельности. Последние чаще всего ассоциируются с государством и отдельными объединениями и группами лиц, которые обладают достаточными полномочиями для контроля и регулирования хода тех или иных социальных процессов и способны конструктивно влиять на их развитие. Процесс социальной институционализации ИАД в данном случае представляет собой не только появление достаточного количества различных аналитических служб и подразделений, но и формирование и закрепление адекватных норм, процедур и санкций, регламентирующих эту деятельность, а также установление социально значимых статусов для ее субъектов.

Главными факторами, способствовавшими консолидации этих организационных действий в обновленной России, явились следующие:

- острая потребность в формировании нового инструментального знания об основаниях, перспективах, методах и технологиях социального реформирования и модернизации обновленного социального пространства страны;
- стремление России преодолеть существующие ранее идеологические барьеры и интегрировать себя в мировое

сообщество, в котором аналитическая деятельность имеет многолетнюю историю и богатый опыт технологизации социального пространства;

– объективная необходимость в обновлении системы связей новых российских органов власти с населением страны, поскольку глубоко идеологизированные коммуникационные практики КПСС, как «руководящей и направляющей силы», были преданы остракизму, и возникла необходимость заполнить образовавшийся вакуум;

– быстрое развитие предпринимательской деятельности, рынка товаров и услуг, что практически невозможно без интегрированных маркетинговых коммуникаций, в структуре которых роль информационной аналитики является доминантной, и др. Современный этап институционализации системы ИАД заключается в социальном оформлении ее статуса и легитимизации ее развернутой функциональной структуры. Последняя широко представлена различными направлениями научно-познавательной и научно-исследовательской, профессиональной прогностической, диагностической, экспертной и другими предметно ориентированными формами информационной аналитики, на степени востребованности и социальной значимости которых мы очень кратко остановимся ниже.

Во-первых, все означенные и многие другие формы ИАД с необходимостью требуют использования ее главного средства – *анализа*, который широко применяется в самых разно-

образных ее (деятельности) импликациях⁹⁵. Учитывая, что усилия аналитика практически всегда направлены на познание и последующее преобразование сложного объекта, то им востребован такой инструмент и соответствующий метод анализа, как *моделирование*⁹⁶.

Во-вторых, в функциональной структуре ИАД важное место занимают *информационно-аналитические исследования*, включая *мониторинг*. Очевидно, что только после детального изучения состояния и тенденций развития объекта можно рассчитывать на определенный эффект при реализации системы мероприятий, направленных на изменение его содержания и функций. Эти исследования, благодаря использованию различных количественных и качественных методов сбора и интерпретации данных, процедур квантификации социальных (информационных) характеристик и признаков объекта анализа, дают возможность зафиксировать факторы его состояния и динамику развития. Только после получения этой инструментальной информации возможна разработка программ социальной технологизации и управления этим объектом⁹⁷. Кроме того, необходимо отметить и тот факт, что сама *теория информационной аналитики*, которую мы представляем в этой монографии, *составляет методологическую базу исследований, проводимых практически во всех областях знания при решении академических и прикладных проблем*.

В-третьих, информационная аналитика является первым и главным средством *управления знаниями*, которые крайне необходимы для решения образовательных, научно-исследовательских и практических проблем. Сам термин «менеджмент знаний» (*knowledge management*) в последнее время стал довольно широко использоваться в научной литературе и практике работы многих академических, исследовательских центров и бизнес-организаций. Это понятие в отечественной и зарубежной литературе чаще всего имплицитно описывает особенности процесса идентификации, использования и передачи информации и знаний, которые люди могут создавать, совершенствовать и применять. При этом акцентируется внимание только на некоей стратегии управления, которая якобы трансформирует все виды интеллектуальных активов в более высокую производительность и эффективность, в новую стоимость и повышенную конкурентоспособность.

Если отвлечься от банальностей, укоренившихся в структуре современного менеджмента под названиями «научающая» и «научающаяся» организация, то становится очевидным, что концептуальные основания, необходимые для разработки указанных стратегий, просто отсутствуют. Более того, известно, что отечественный академический менеджмент, породивший имитации (симулякры) некоторых техник управления знаниями в социоэкономической сфере, до сих пор функционирует в рамках следующего идеологиче-

ского посыла: *«знание возникает как надстройка над системой деятельности»*. Между тем очевидна ущербность данного идеологизма, ибо он превращает организационный менеджмент в одну из самых интеллектуально разгруженных сфер академической и социально-преобразующей деятельности. Кроме того, такой подход ограничивает его сферу лишь только ситуационным реагированием, практически нивелируя его главную функцию – *прогноз развития ситуации и последующее упреждающее управление проблемами*. Очевидно и то, что *знания должны предшествовать деятельности* и объективироваться в ее рамках. В этом и заключается смысл не только *инструментального знания* и его динамики, но и *предметно-деятельностного бытия любого специалиста*.

В силу этого основная проблема управления знаниями состоит не только в фиксации неких инструментальных сведений, но и в *формировании навыков и интеллектуальных потенций субъекта, необходимых для получения новых знаний – средств решения будущих профессиональных проблем*. Последнее предполагает как минимум наличие следующих квалификационных топосов в профессиональном сознании субъекта самоуправления знаниями:

◆ владение теоретическим инструментарием анализа профессиональных проблем и включение основных положений теории информационной аналитики в арсенал средств субъектной деятельности;

◆ наличие объективных представлений о целевой функции, логике и тенденциях развития инновационных процессов в современном социуме в целом и в сфере будущей профессиональной деятельности в частности, что достижимо только с использованием средств ИАД;

◆ владение основными принципами удостоверения (валидации, репрезентации) получаемых инструментальных знаний;

◆ владение основными принципами аргументации получаемых знаний и др.

Причем такой арсенал системы *управления (самоуправления) знаниями*, основанный на базовых принципах информационного анализа, актуален не только для решения академических задач, но и для эффективной профессиональной деятельности специалиста любого профиля и уровня квалификации.

В-четвертых, *прогностика* как одна из функций ИАД также востребована практически во всех сферах современной преобразующей социальной практики – от футурологических прогнозов до поискового и нормативного конструирования, алгоритмизации решения инновационных задач и пр.

В-пятых, важнейшей прерогативой ИАД являются функции *диагностики и экспертизы*. *Диагностика* представляет собой информационно-аналитическую процедуру фиксации реального положения дел, факторов состояния развития

явлений и процессов различной природы: социальных, хозяйственных, правовых, политических, технико-технологических, культурных и др., не говоря уже о человеческой телесности, которая также постоянно нуждается в поддержании своего потенциала.

Собственно информационная диагностика широко применяется при оперативном сопровождении процессов управления различного уровня, где широко используются различные *экспертные методы* (экспертных оценок, патентный контент-анализ, лицензирование, оппонирование и др.), реализуемые в рамках различных критериальных систем.

И, наконец, завершая этот краткий обзор инструментальных функций ИАД, рельефно претендующих на статус институциональных благодаря их актуальности и востребованности в различных структурах и формах социального бытия, нельзя не упомянуть и о результатах этой деятельности, которые представлены разнообразными *интеллектуально-знаниевыми продуктами*, поддерживающими развитие инновационных процессов практически во всех сферах современного общественного производства. В качестве таковых выступают различные формы объективных знаний и представлений, оценки и прогнозы, необходимые для принятия тех или иных управленческих решений и разработки технологий де-, ре- или трансформации объектов различной природы.

В заключение этого раздела кратко рассмотрим несколь-

ко примеров проблемных областей, в которых реализуются перечисленные выше и некоторые другие функции ИАД.

Так, *информационное моделирование* является одним из основных методов анализа, широко востребованным во многих научных и научно-отраслевых областях. Он используется для создания *информационно-прогнозирующих и экспертных систем*, составляющих различные проблемно-ориентированные *базы данных*⁹⁸. Кроме того, этот метод чрезвычайно актуален для информационного обеспечения процессов *социального проектирования и конструирования*⁹⁹, а также для сопровождения различных целевых комплексных программ и разработки технологий проблемного анализа объектов разной природы¹⁰⁰.

Не менее важное значение в практике ИАД имеет *лого-семантический анализ*, построенный на различных контент-принципах¹⁰¹. Эта форма анализа практически всегда используется, когда в качестве эмпирического массива выступают различные документальные, библиографические и аналитические информационные источники. Здесь решаются задачи поиска количественных закономерностей в распределении данных, оптимизации коммуникационных процессов и определения рейтинга различных информационных топосов. По сути, почти все контент-принципы построены на базе закона информативности Клод Шеннона (1916–2001), который устанавливает связь между количественными

ми признаками информации и показывает направление их трансформации к качественным показателям, фиксирующим степень инструментальной ценности различных массивов данных¹⁰².

Еще одним универсальным инструментом ИАД является *структурно-тематический и кластерный анализ*. Его посредством формируется проблемная структура предметной области исследования (деятельности, управления). Она представляется в виде систематически расположенных эмпирических множеств, место каждого из которых в этой структуре определяется уровнем значимости проблем, носителем которых является тот или иной кластер¹⁰³ (социальная когорта, ценностный ряд, массив данных, факторы состояния развития объекта и др.).

Не менее широко в практике информационной аналитики используется и *метод анализа иерархий*. Это системный инструмент, применяемый к сложным проблемам принятия решений. Благодаря этому средству появляется возможность найти такой вариант (альтернативу) решения проблемы, который наилучшим образом согласуется с пониманием субъектом ее сути и требованиями к ее решению. Метод анализа иерархий используется во всем мире для принятия решений в разнообразных ситуациях: от управления на межгосударственном уровне до решения отраслевых и частных проблем в *бизнесе, промышленности, здравоохранении, образовании* и др. Анализ проблемы принятия решений начинается с по-

строения иерархической структуры, которая включает цель, критерии, альтернативы и другие рассматриваемые факторы, влияющие на выбор. Эта структура отражает понимание проблемы лицом, принимающим решение. Каждый элемент иерархии может представлять различные аспекты решаемой задачи, причем во внимание могут быть приняты как материальные, так и нематериальные факторы, измеряемые количественные параметры и качественные характеристики, объективные данные и субъективные экспертные оценки¹⁰⁴.

Полагаем, что на этом можно и завершить краткий обзор аналитических средств и методов, широко применяемых ныне во всех сферах ИАД благодаря своей универсальности. Ниже, в главах 4–6 мы более подробно остановимся на специфике использования этого инструментария и продемонстрируем его познавательно-эвристический потенциал, а также возможность его использования при решении прикладных задач управления любого уровня и масштаба – от социетальных, до локальных.

Подчеркнем, что перечисленные выше признаки и функции информационной аналитики и инструменты реализации последних являются более чем актуальными в современных условиях. Благодаря им в обществе формируются целевые ориентиры и технологии целедостижения на макро-, мезо- и микроуровнях, что должно способствовать упорядочению и оптимизации социальных связей. Более того, технологический арсенал информационно-аналитической деятельности

способен сегодня и к созданию устойчивых мировоззренческих топосов в сознании больших масс людей, подвигая их к различным формам консолидации в рамках политических, экономических, правовых, социокультурных и др. процессов.

Все это свидетельствует о том, что современная ИАД, осуществляемая во всех сферах общественного производства, обретает свой институциональный статус, представляя собой развернутую инфраструктуру, обеспечивающую функционирование основных традиционных институций общества (политика, экономика, право, образование и т. д.). Последние, лишившись информационных, интеллектуально-знаниевых и других ресурсов, поставляемых системой ИАД, быстро превратятся в конгломерат паразитарных структур, разрушающих глобальные основы социальности по всем направлениям ее развития.

К сожалению, именно сейчас мы наблюдаем нечто подобное. Это скольжение к «зияющим высотам модернизации» стало возможным в силу существенной деинтеллектуализации нашего общества, его культурной эрозии, смены аксиологического знака развития российской социальности. Но, полагаем, что мы еще не прошли точку невозврата и есть надежда на то, что субъекты, представляющие наши основные институции, прислушаются не столько к *Vox Populi* (практика последних лет показывает, что эти надежды тщетны), сколько к объективным результатам различных аналитиче-

ских исследований, свидетельствующих о масштабных проявлениях аномии в процессе социального позиционирования современного человека, отягощенного новыми, порой не совсем осознаваемыми предпочтениями, которые уже не укладываются в структуру традиционных ценностных императивов его жизнедеятельности. «В таком обществе опустевшее место духовности, морали, интеллектуальной зрелости занимает лишь конвенция...»¹⁰⁵.

На этой тревожной ноте мы закрываем первую главу и переходим к следующей, в которой рассматриваются методологические основания информационной аналитики и жизнеутверждается ее статус как базового средства гармонизации современного социального бытия.

Глава 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Понятийный аппарат и базовые постулаты информационной аналитики

Все многочисленные виды и формы информационно-аналитической деятельности, рассматриваемые в обобщенном аспекте, ориентированы в конечном итоге на продуктивное обеспечение собственно анализа актуальных топосов социальной информации с использованием методов теоретического и эмпирического исследования и аналитического мышления. Такой уровень осмысления аналитики с неизбежностью предполагает апелляцию к различным компонентам богатого методологического арсенала практической фи-

лософии как науки о методах познания и преобразования действительности.

Однако подчас широко распространенное узкое понимание методологии не вполне корректно сводит ее к набору познавательных и деятельностных процедур. Единство процесса познания требует вовлечения в осмысление этого феномена не только методов познания и деятельности, которые использует субъект, но также и самого субъекта, и объект изысканий в целостном наборе их свойств. Поскольку известно, что свойства субъекта и объекта определяют процесс познания и являются основой для выбора оптимальных методов исследования и последующей преобразующей деятельности. Отсюда осуществляется выход на наиболее глубокие пласты методологии познания, связанные с активно обсуждавшимся комплексом таких проблем, как основания познания и знания, принципы научного знания и т. д. Особенно активная дискуссия вокруг этих проблем разворачивалась в 60—80-е гг. XX в. в нашей стране и за рубежом. И хотя, естественно, каждая философская парадигма отстаивала свою позицию, понятно, что принципы и основания, соотносящиеся с глубинными пластами природы объекта и субъекта познания, являются базовыми гносеологическими и методологическими конструкциями, которые используются в рамках практической философии и ее главного инструмента – информационной аналитики.

В отношении социальной действительности это означа-

ет необходимость, во-первых, методологически верного выделения и концептуализации объекта исследования, во-вторых, точного понимания статуса и интенциональных ориентаций субъекта, и, лишь, в-третьих, подбора адекватных методов исследования и последующего преобразования предмета. Оторванность процедур социального познания от объекта в его данности и динамике, неверный его выбор, либо неточная идентификация субъекта приводят к уходу познавательного процесса из области научной конкретики в сферу иллюзорных или идеологических абстракций. В связи с этим полагаем важным вначале обозначить, хотя бы в первом приближении, систему методологических оснований анализа социальной реальности, позволяющих претендовать на верифицируемость результатов познания.

Итак, первое методологическое основание, которое обуславливает характер осмысления и последующего преобразования социальной реальности это – *признание разных социально-исторических типов человека, национально-культурной специфики различных социальных общностей*. Этот императивный посыл свидетельствует о том, что, не рассматривая ту или иную социальность в единстве ее базовых качеств, невозможно адекватно выстроить процесс ее познания и преобразования средствами деятельности и управления, которые были бы адекватны данному объекту и способствовали бы его развитию.

Так, например, одна из проблем отечественных социаль-

ных наук, нерешенность которой привела к их оторванности от реальности, заключается именно в отсутствии конкретности в понимании объекта и, как следствие, использовании адекватного набора познавательных процедур, призванных его концептуализировать. В итоге, российскую действительность во всем наборе ее признаков и социальных отношений с некоторых пор вообще перестали рассматривать как нечто исторически и культурно конкретное.

Злую шутку с социальной теорией сыграла неправомерно расширительная трактовка идеологии Просвещения, выражающаяся в унификации человека и всех социальных общностей вне зависимости от их культурной принадлежности. Фактически, люди и социальные общности в этой парадигме различаются только по стадиям развития, то есть делятся на «передовые» и «отсталые». Этот западный просвещенческий подход реализовался в России сначала в виде коммунистической идеологии и материализма, а теперь – в виде либеральной идеологии и императивов прагматизма.

Вполне разделяя основные концепты идеологии Просвещения, осознавая его выдающийся вклад в развитие человечества, в том числе России, считаем, что необходимо дополнить понимание этого проекта национально-культурной спецификой его реализации. Тем более уже на протяжении около двух столетий, начиная с работ славянофилов Николая Данилевского (1822–1885), Константина Леонтьева (1831–1891), западных мыслителей, вполне обоснована культурная

специфика, как Запада, так и России, несмотря на существующие значительные сходства природы этих форм социальности. Именно поэтому осмысление специфики объекта, его «самости» с позиций методологии должно становиться отправной точкой, а не малозначащим «дополнительным условием».

Приведем логико-гносеологические аргументы значимости данного методологического основания. Если все народы одинаковы, то мы можем копировать и заимствовать опыт других, по каким-либо критериям считающихся более развитыми культурами и предполагать, что, внедряя их опыт, мы также будем создавать условия для интенсификации развития собственной страны, народа, культуры. При этом задача сводится к исследованию «передового опыта» и разработке технологий его «внедрения» (например, в экономике с этой точки зрения нужно говорить о внедрении рынка). Этим фактически устраняется необходимость анализа экзистенции собственного народа, а также экспертизы и проверки эффективности тех или иных инноваций в любой сфере жизни общества.

Если же в качестве методологического основания избрать культуру-центристскую позицию, то всякая новация должна экспертироваться и проверяться на предмет ее эффективности применительно к данной культуре, требуя самостоятельной выработки критериев эффективности. В экономике, с точки зрения данного подхода, необходимо говорить об

«адаптации национальной экономики к мировому рынку». Последнее предполагает сохранение принципиальных оснований национальной традиции и поиска той «изюминки», которая способна создать перспективные конкурентные преимущества.

Исходя из концепции культуроцентризма, отправной точкой для рассуждений о России должно стать утверждение, что российский народ, культура, государство являются специфическим социально-историческим образованием, которое несет черты как сходства, так и отличий от всех существовавших ранее и существующих ныне народов, культур, государств. Этот тезис аргументированно доказан всей совокупностью «текстов» русской традиции на протяжении столетий¹⁰⁶.

Вторым важнейшим методологическим основанием аналитики является безусловная *необходимость доминирования ориентации на государство как целостность и народ как историческую общность, на большинство населения страны, а не на отдельные социальные группы* (политические, этнические, хозяйствующие и т. д.).

Это требует комплексного познания собственного народа в целостности его истории, культурной традиции, современного потенциала, ожиданий, мотивации созидательной деятельности и так далее с учетом различий слоев населения и регионов. Причем, речь идет именно об исследовании, а не идеологическом клишировании или преднамеренной одно-

сторонности и фальсификациях. Не нужно быть даже антилибералом, чтобы понимать это, достаточно быть честным профессионалом. Так, в своем учебнике, по которому учатся сегодняшние российские либералы-экономисты, лауреат Нобелевской премии Пол Самуэльсон (1915–2009) пишет: «Коренные вопросы, определяющие, насколько правильны или же ошибочны преследуемые цели, не могут решаться наукой как таковой. Они относятся к области этики и «оценки ценностей». В конечном счете, эти вопросы должны решаться всем обществом. Все, что может сделать специалист, – это указать на осуществимые альтернативы и на действительные издержки, с которыми может быть связано то или иное решение»¹⁰⁷. Абстрагирование от культуроцентристского подхода в практике управления современной Россией привело к тому, что более 80 % населения страны фактически исключено из социальной, экономической и политической жизни, его мнение и интересы в ничтожной степени влияют на государственные решения¹⁰⁸.

Итак, важным компонентом этой технологии анализа является погруженное изучение традиции народа как объекта управления, его состояния, целей и перспектив развития конкурентных объектов, осмысление его ресурсных потенциалов и так далее.

Третьим методологическим основанием аналитической деятельности становится *постулат о том, что каждому народу нужна собственная философия хозяйства и нау-*

ка управления, *своя* теория и практика организации общественной жизни. То, что это отнюдь не «квасной патриотизм» можно убедиться при внимательном изучении либеральных учебников по экономике, которые выдаются у нас за некую универсальную экономическую теорию, на самом деле являясь историей и теорией развития американской экономики, которая далеко не всегда может быть адаптирована к уникальным российским условиям.

Приведенные выше постулаты недостаточно внимательный читатель может принять за некие идеологемы. Чтобы снять вопросы, возможно возникнувшие в связи с этим, напомним о следующем. *Информационную аналитику* мы рассматриваем в конечном итоге как *мощное средство, инструмент гармонизации социального бытия*. В свою очередь, те или иные порядки гармонии в социальном мире воспроизводятся посредством *согласования разнонаправленных интересов общественных субъектов*. Указанный консенсус в универсальных своих проявлениях возможен только на единственной основе – социокультурной. Ни одно из иных оснований (деньги, статус, власть и др.) не способно выступить в качестве консолидирующей основы и обеспечить приращение качества в социальных отношениях. Более того, игнорирование социокультурных детерминант в аналитической деятельности провоцирует формирование далеких от объективности представлений и оценок в сознании людей, что является следствием проявления различных уродливых

форм социальности, расшатывающих основы организационного порядка любого общества.

Теперь, учитывая, что в структуре информационной аналитики доминирующей является познавательная функция, остановимся на методологических позициях, которые лежат в основе процесса получения знаний и объективной рефлексии событий.

Как известно, существуют различные формы познания: философское, конкретно-научное, художественное, религиозное, обыденное и др. Основываясь на позициях практической философии, необходимо начать представление методологических оснований аналитической деятельности с краткого экскурса в область общей гносеологии. Не вдаваясь в подробности, сошлемся на богатый философский опыт осмысления проблем познания, в т. ч. в современной отечественной философии, представленный трудами Павла Копнина (1922–1971), Эвальда Ильенкова (1924–1979), Александра Зиновьева (1922–2006), Георгия Щедровицкого (1929–1994), Алексея Леонтьева (1903–1979), Александра Спиркина (1918–2004), Вячеслава Степина (1934), Владислава Лекторского (1932), Владимира Швырева (1934–2008), Людмилы Микешиной (1930), Василия Налимова (1910–1997) и других. Отметим также, что зарубежные работы по опыту мыследеятельности обсуждать, видимо, не имеет смысла, поскольку результаты отечественной школы представляются вполне соответствующими современно-

му уровню, а в чем-то и более продуктивными.

Для начала нужно согласиться с тем, что именно человеческое ощущение как способ связи с окружающим миром лежит в основе различения материи и идеи. Поскольку для человека идентификатором материальности (идеальности) остаются именно человеческие (материальные) органы чувств (которые способны фиксировать лишь вещественно-энергетические компоненты реальности) и человеческая практика, дающая возможность воспринимать и понимать мир в его полноте, включая идеально-информационные компоненты бытия, то понятно, что есть срезы объективной реальности, которые не могут быть восприняты с помощью ощущений, и потому они остаются лишь умопостигаемыми (с помощью «радио»).

Как известно, *познание* – активный целенаправленный процесс постижения человеком объективного и субъективного мира и приобретения все новых знаний о нем. Познание всегда носит общественно-исторический характер, т. к. люди познают мир в совместной практике, обмениваются знаниями друг с другом и передают их из поколения в поколение. Оно выступает как процесс производства (получения нового знания), трансляции и усвоения полученного знания. Поэтому познание есть процесс реализации и одновременно совершенствования *сознания*.

По отношению к решению проблемы познаваемости мира, ответу на вопрос «познаваем ли мир, как и в какой сте-

пени?» философские концепции делятся на гностицизм и агностицизм.

Материалистический гностицизм полагает, что объективный мир познаваем и человек может воспроизвести его идеально, в своем сознании. В некоторых концепциях считается, что природу можно познать до конца, в некоторых – познание считается бесконечным процессом, т. е. на каждом этапе развития человечества оно может совершенствовать свое познание, изменять свои представления о мире. Кроме того, мир развивается, а потому познание бесконечно.

Идеалистический гностицизм считает, что мир познаваем, но истинное познание – это познание абсолютной идеи, мирового духа, абсолюта, бога. Научно-рациональное познание объективного мира и мира человека – это познание отражения (воплощения) надмирового духа, поэтому оно лишь одно из средств познания, причем часто не самое эффективное.

Агностицизм утверждает, что мир полностью или частично непознаваем. Чаще всего мир признается непознаваемым потому, что мы имеем дело не с объективной реальностью, а с миром своих мыслей, чувственных переживаний, представлений. Вопрос о реальном существовании мира вообще не имеет смысла, существуют лишь ощущения и мысли человека. *Скептицизм* уверяет, что человек не имеет средств для доказательства или опровержения познаваемости мира, истинности и достоверности или ложности наших знаний о

мире, будучи замкнутым в своих чувствах, мыслях, других формах идеального, духовного опыта.

Эти же утверждения звучат в связи с презумпцией несовершенства человека, системы его органов чувств и мышления. Такие азбучные утверждения далеко не лишни в аналитической работе для понимания возможности наличия различных подходов у других аналитиков и субъектов управления.

Полагаем, что прикладная аналитика должна исходить из принципа познаваемости мира и конкретных исследуемых объектов (в противном случае она теряет смысл). При этом аналитик должен в той или иной мере владеть методологиями всех гносеологических концепций и не столько использовать их положения в своей деятельности, сколько апеллировать к ним в процессе дискурса, обосновывая свою позицию. Это обусловлено несколькими обстоятельствами.

Во-первых, аналитик имеет дело с «человекоразмерной» реальностью, а потому должен исходить не только из принципа объяснения, но и из принципа понимания смыслов. Понять же человека и любой «человекоразмерный» (в т. ч. социальный) объект можно лишь в его собственных ментальных и мировоззренческих основаниях, каковые различны, и их гностические основания сводятся к указанной схеме (материалистический и идеалистический гностицизм, агностицизм, скептицизм). Иными словами, всякий человек и социальный объект несут в себе определенный гностический

принцип, который является как предметом аналитического исследования, так и основанием для формирования собственно исследовательской (аналитической) парадигмы.

Во-вторых, каждая из четырех гностических традиций имеет собственные достоинства и недостатки, не перекрывая друг друга в выработанных в них наборах методов и приемов познания. Полагаем, что в практической аналитике допустимо комплексное сочетание потенциала всех этих традиций (вне зависимости от традиции, на которой основывается та или иная аналитическая школа или конкретный аналитический работник), что, без сомнения, усиливает глубину проникновения в природу каждого конкретного сущего, коль скоро мы имеем дело с «человекообразной» реальностью.

В-третьих, всякая аналитическая группа в своем исследовании, так или иначе, соприкасается с деятельностью других аналитических групп, порой в форме сотрудничества, порой в плане противодействия и контригры. Поэтому понимание экзистенциально-мировоззренческих и гностических оснований аналитической деятельности своих партнеров и оппонентов есть один из залогов эффективности и результативности аналитического продукта, как цели данной работы.

Следующим ракурсом в рассмотрении оснований информационной аналитики является определение в отношении к основополагающим концепциям способов познания мира. Последние можно традиционно разделить на: *рациона-*

лизм, в котором решающая роль в познании признается за разумом, рациональными способностями человека (выделяют классический, неклассический, постнеклассический типы рациональности), *сенсуализм* (в науке – *эмпиризм*), в котором решающая роль в познании мира отводится чувствам, ощущениям, а в науке – опытно-эмпирической деятельности, *иррационализм*, в котором отрицается или ограничивается возможность разумного и логического познания мира, и основными видами постижения реальности признаются инстинкты, вера, откровение, интуиция – чаще всего, основываясь на признании наличия в самом бытии иррациональных компонентов (начал)¹⁰⁹.

Очевидно, что в современной методологии лишь грамотное формирование оснований, допускающее синтез различных способов познания, ведет к получению объективно истинного знания. С другой стороны, абсолютизация и одновременно игнорирование какого-либо из способов существенно снижает гностический потенциал исследования. Поэтому аналитик в своей деятельности должен опираться на достигнутое понимание различных способов познания мира и их гармоничный синтез. Это относится и к разделению сфер исследовательской деятельности на эмпирическую и теоретическую, фундаментальную и прикладную, понимание компетенции которых в современной литературе сегодня достаточно запутано в результате попыток исследователей из различных конкретных научных областей дать свои

оценки в рамках этой специальной методологической проблемы. Отметим лишь, что нельзя противопоставлять теорию (в ее современном понимании) и практику, а нужно говорить о поиске продуктивного консенсуса в противостоянии науки и практики, поскольку наука включает как теорию, так и эмпирию.

Несколько подробнее остановимся на одном принципиальном моменте. На наш взгляд, нельзя противопоставлять теоретические и прикладные исследования, но нужно говорить о противопоставлении фундаментальных и прикладных научных сфер. Так, в естественных науках известно деление на фундаментальные и прикладные науки. Есть основания для того, чтобы проводить такую градацию и в сфере гуманитарного знания, несмотря на понятную условность такого деления. К фундаментальным в таком случае нужно отнести те исследования, которые ориентированы на вскрытие и исследование структуры объекта и природы его причинно-следственных связей, типов детерминации различных социальных процессов, на выявление законов и закономерностей, которым подчиняются те или иные классы и типы объектов, связей, отношений. То есть фундаментальные науки ориентированы преимущественно не на конкретные объекты, а на типы объектов (не на конкретное общество, а на общество как тип) и присущие им типы взаимодействий и их закономерности. К фундаментальным наукам в гуманитарной сфере можно отнести теоретическую политологию, со-

циологию, антропологию, философию и теорию познания, психологию, экономику, демографию, историю, лингвистику и др., а также методологию науки, в т. ч. методологию информационно-аналитической деятельности¹¹⁰.

Прикладные науки, в отличие от фундаментальных, носят в значительной степени объектоориентированный характер, в т. ч. используя опыт фундаментальных наук (или их разделов). Они занимаются изучением природы конкретных объектов, динамики процессов в них, выяснением характера их функционирования и развития, соответствующих тенденций и прогнозированием. Например, в качестве такого объекта анализа может выступать ситуация, процесс, личность, конкретный хозяйствующий субъект, ведомство, государство в целом, регионы планеты или планетарное сообщество. Поэтому различия обусловлены в первую очередь не характером исследовательской деятельности (хотя и здесь имеются определенные отличия), но объектом изучения (чем и диктуются содержательные различия в исследовательских процессах). Понятно, что при этом фундаментальные и прикладные исследования постоянно пересекаются и даже порой перетекают одно в другое (что имеет свои достоинства и недостатки, например, вовлечение фундаментальных исследований в прикладную аналитику приводит к углублению исследований, но в то же время может вести к нарушению принципа оперативности, увлечению деталями и собственно исследовательскими процедурами).

Однако специально подчеркнем *научный характер аналитической деятельности, что определяется совокупностью принципов исследования, методологией, набором средств, носящих междисциплинарный характер, типом аргументации знания, способом организации полученного знания (информации) и т. д.*

В связи со всем сказанным отметим, что *аналитическая деятельность выступает в целом как совокупность прикладных направлений научных исследований междисциплинарного типа, хотя, повторим, не исключена возможность формирования в рамках ИАД собственных фундаментальных научных аспектов и направлений. Поэтому аналитика – специфическая научная деятельность, ориентированная на получение объективно-истинного знания о тех или иных конкретных объектах, событиях и процессах материального и духовного мира с ориентацией на конкретную задачу, решаемую посредством вовлечения полученного инструментального знания в процесс практических преобразований некоего объекта.*

Исследованиям методологии и методов аналитической деятельности уделялось и уделяется определенное внимание. Так, философскому исследованию процедуры диалектико-материалистического анализа как методологического инструмента посвящена монография Александра Кокорина¹¹¹. Существует также определенный опыт информационных исследований прошлых лет¹¹², в котором, например,

выделяются такие методы исследования, как детализация, сравнение, взаимосвязанное изучение, элиминирование, исследуются социологические методы, анализ персон и значимость биографического подхода. Постоянная работа в этом направлении ведется в МГУКИ Натальей Слядневой, которая, кроме научной разработки проблемы, прикладывает большие усилия к организации обучения информационно-аналитических работников¹¹³.

Как уже отмечалось, объектом аналитического исследования являются конкретные социально-культурные и духовные феномены. Подчеркнем слово «конкретные», понимая под ним относительно обособленные (либо выделенные) в пространстве и времени образования, включающие человека или созданные человеком. Понятно, что в зависимости от того, на какой объект направлен анализ, от содержательных характеристик объекта (таких, например, как темпы динамичности, масштабы, степень значимости для субъекта и т. д.) определяется как совокупность исследовательских приемов, так и результаты анализа информации. Сами же объекты могут быть совершенно различными по своим масштабам. То есть, *аналитическая деятельность привязана к объекту и, несмотря на наличие совокупности (абстрактных) методов анализа, сам процесс изысканий всегда конкретен и обусловлен природой объекта.*

Не вдаваясь далее в подробности теории познания, которая достаточно полно разработана в отечественной фило-

софско-методологической литературе, поясним некоторые моменты, связанные со спецификой предмета нашего исследования. На наш взгляд, необходимо использовать опыт разделения спектров изучения познавательных возможностей в плане, аналогичном философскому. Философская теория познания (гносеология) включает в себя теорию научного познания и теорию знания и его динамики (эволюционную эпистемологию), а также концепции вненаучного знания. Речь должна идти в связи с этим об уяснении различий собственно аналитического исследования (процесса познания), включая его научные и вненаучные компоненты, и организации полученного знания, их закономерностей и внутренней динамики (в информационной сфере это организация и функционирование баз данных).

Так, существует целостная система социального знания, которая должна включаться в контекст аналитического исследования, в противном случае становящегося чистым профанированием, которое не различает частного и главного, за деревьями не видит леса, превращается в творца фантазмагорических мыслительных форм, а не источник истины. Однако одновременно не должно смущать то, что практическая аналитика (как и прикладные науки и искусства в других сферах) часто связана с использованием методов как научного, так и вненаучного характера. К числу последних, получающих все большее распространение в практической аналитической деятельности, относятся интуиция, эвристика, ма-

стерство, искусство, предполагающие высокую креативность в решении возникающих аналитических задач при не всегда вербализуемом интеллектуальном материале.

Еще одним важным гносеологическим моментом становится необходимость критичности мышления аналитика, что должно помогать ему выделять из информационного потока ценную информацию, уметь вычленять дезинформацию. Нужно также говорить о параметрах, принципах и методах доказательства истинности полученного знания, которые выделяются в самой практике. Все эти и другие гносеологические моменты, естественно, нуждаются в детальных и систематических исследованиях.

Перейдем собственно к информационно-аналитической деятельности. Сегодня существует множество различных, ставших обиходными оборотов речи: анализ, системный анализ, экономический (геополитический, политический, социальный и т. д.) анализ, ситуационный анализ, аналитика, ИАД, аналитический центр и т. д. Однако ни в словарях, ни в каталогах библиотек нельзя найти таких рубрик, таких терминов за исключением некоторых общих понятий типа «анализ», «системный анализ», «экономический анализ», «политический анализ» и т. п. Нам понятно, что настало время разделить понятие «анализ» в общепринятом в философии и методологии науки смысле и «аналитическое исследование» (его синоним «информационно-аналитическое исследование»), коль скоро термин «анализ» закрепился за обо-

значением определенного вида интеллектуальной деятельности. Отсутствие такого различения, как показывает практика и теоретические разработки в этой сфере, приводит к методологической путанице.

Очевидно, что попытка отождествить аналитическую деятельность в сформировавшемся (и продолжающем активно развиваться) виде с анализом как мыслительной процедурой, противостоящей синтезу, не вполне объясняет существо ИАД.

Анализ (логический анализ), если следовать буквальному переводу с древнегреческого языка, это «разложение на части», и сегодня под ним понимается процесс мысленного расчленения исследуемого объекта и исследование каждой из частей в отдельности для того, что бы затем познать их структурную композицию (взаимосвязь). Относительно объектов информационно-аналитического исследования различной природы, этот метод познания представляется в следующих основных импликациях.

Анализ локализованного в пространстве материального или идеального *объекта* это также (обычно мысленное) расчленение его на составные части, связи (в т. ч. связи детерминации) и взаимодействия между частями. Этот метод также предполагает вычленение и ранжирование деталей предметной сферы (существенное-несущественное).

Анализ процесса – расчленение его на этапы, выделение исторических связей.

Анализ ситуации (проблемной ситуации) – выделение в ней действующих объектов, элементов ситуации, этапов ее динамики, причинно-следственных связей.

Анализ персон – это поиск и выделение ценностных ориентаций, целей, установок, оснований мотивации и т. д.

«Аналитическое исследование», в свою очередь, это связанная совокупность процедур по формированию достоверного, целостного и объективного знания о конкретном объекте в его динамике, включающее в себя сбор и оценку информации (на основе знания источников информации, структуры информационных потоков и полей). Оно предполагает целеобусловленное получение сведений об объекте, осуществление оценок, синтез полученных данных (выход на понимание целостности) и формирование достоверного объективного знания. Кроме того, одним из результатов такого исследования является включение достигнутого понимания в иные информационные контексты, разработку прогноза, определение вариантов динамики изучаемого объекта, разработку механизмов и технологий по воздействию на различные (внутренние и внешние) факторы, фундирующие характер его (объекта) развития. Все полученные в этом процессе результаты находят интегральное выражение в *разрабатываемой информационной (социальной) технологии, призванной гармонизировать состояния объекта – оптимально вписать его в структуры существующей (внешней по отношению к нему) социальности.*

В предложенном синтетическом подходе выделяется не только познавательная функция анализа. Целью такого метода становится следующая цепочка: *«познание – практический выход»*.

Следующая проблема. Аналитическая деятельность сегодня используется в самых разных отраслях. Естественно, возникает вопрос о взаимодействии в процессе аналитических исследований, сопоставлении их результатов, полученных в разных сферах, а, значит, встает проблема коммуникации аналитического знания (аналитической информации), его взаимной доступности и понятийного тождества, поиска путей унификации аналитических процедур и получаемых в их результате знаний. В связи с этим не исключено, что аналитическая деятельность будет и далее разделена по целому ряду научных специальностей в рамках существующей номенклатуры. Хотя должны оформиться в самостоятельные направления и интегрированные аспекты аналитики типа системной или теоретической аналитики как некоего фундаментального аспекта аналитической деятельности в целом. Поэтому есть смысл условно разделить ИАД на три уровня (или стадии) – *информационную, информационно-аналитическую и научно-аналитическую*. Они различаются между собой не только хронологически, но и в структурно-функциональном плане.

Собственно информационно-аналитическая деятельность направлена на обобщение, оценку, сопоставление,

объяснение и понимание информации об объекте анализа, прогнозирование его поведения, выдачу рекомендаций для принятия управленческого решения. Поэтому она заключается в глубокой, содержательной, системной, смысловой обработке информации, конструировании нового знания, диалектическом синтезе знаний. Здесь при необходимости подключаются так называемые высокие интеллектуальные информационные технологии (ИИТ) по обработке информации, моделирование (в т. ч. компьютерное, имитационное, аналоговое). В ходе этой деятельности, как правило, осуществляется составление различных сценариев поведения объектов и выработка различных программ действий по *упреждающему управлению проблемами*.

В связи с последним из означенных нами акцентов, остановимся кратко на одном из принципиально важных элементов ИАД – *предвидении и прогнозе*. Отметим, что здесь мы не будем говорить о специальных проблемах историцизма и теории развития.

Предвидение и прогноз – это важнейшие функции информационной аналитики. Однако, несмотря на множество разработок, появившихся в этой области, достигнутые результаты вряд ли могут вызвать чувство удовлетворения. И как бы в пику науке, постоянно появляются различные предсказания древних и современных оракулов. Но наука порой ничего не может предложить взамен, несмотря на широко разрекламированные до недавнего времени возможности науч-

ного предвидения.

Понимание предвидения в отечественной методологической литературе основывалось на известной *концепции опережающего отражения*. Однако развитые на ее основе выводы часто интерпретировались излишне расширительно, выходя далеко за пределы компетенции. Поэтому осмысление прогностических возможностей теоретических и эмпирических конструкций, описывающих сложные развивающиеся объекты вообще и социальные в частности, на наш взгляд, нуждается в корректировке.

Сложившиеся на основе методологии фундаментальных наук традиции в понимании формы и сущности прогнозирования, прогностических возможностей теорий и моделей не применимы по отношению к подобным объектам. Собственно говоря, даже в физике предвидение поведения и структура конкретных систем не такая очевидная вещь, как это зачастую представляется. Как пишет Илья Пригожин (1917–2003), «в основе взгляда классической физики на окружающий мир лежало убеждение, что будущее определяется настоящим и что, следовательно, тщательное изучение настоящего позволит приподнять завесу, открывающую будущее. Однако во все времена такое предвидение будущего было не более чем теоретической возможностью»¹¹⁴. Сегодня же специфика развивающегося социального мира вынуждает искать доказательства возможности предвидения относительно реальных объектов и процессов развития, что при-

вносит дополнительную сложность в структуру прогнозных моделей. Критерием здесь могут выступать последние теоретические инновации в науках о развивающихся системах, ибо уже сейчас на их основе вырабатываются требования к степени достоверности прогнозов, их временному удалению и т. п.

Более того, по мере снижения уровня эйфории по поводу рационального типа предвидения становятся очевидными его границы, определяемые мерой качественного состояния. О наличии пределов предвидения в связи с качественным изменением системы в научной литературе говорилось и раньше, но вопрос можно перевести в принципиальную плоскость при условии учета разработок в области синергетики. В синергетике границы предвидения определены достаточно четко: мир предсказуем лишь ограниченно – до ближайшей неустойчивости. Как показывается в рамках этого научного междисциплинарного направления, предвидение состояния после бифуркации является недостоверным и логически не выводимым. Даже детальное познание механизма детерминации конкретного процесса, всего комплекса взаимодействий, определяющего трансформацию системы, не может гарантировать точности предвидения выбора последующего состояния. Выйти за рамки существования данного качества не представляется возможным.

Круг замыкается: предвидение будущего может осуществляться лишь по отношению к функционирующим системам

либо по отношению к достаточно стабильным (в рамках одного качества) состояниям конкретных систем. Не нужно думать, что это означает отмирание предвидения, поскольку множество систем, окружающих человека, и сам человек во многих отношениях являются достаточно стабильными, к тому же, могут быть иные типы предвидения, отличные от естественнонаучных. Здесь речь идет о необходимости реалистичности в оценке возможностей науки и не более того. В связи с этим можно привести высказывание В. Хогвуда и Л. Ганна, сделанное относительно политического и экономического прогнозирования, где, несмотря на множество имеющихся прикладных методик, по их справедливому замечанию, необходима «...прежде всего скромность претензий»¹¹⁵.

Реалистические же возможности научного предвидения достаточно широки. Например, в работах по синергетике не рассматривается возможность прогнозирования относительно процесса перехода (бифуркации), растянутого во времени. Ситуации растянутости бифуркации во времени встречаются довольно часто, хотя на фоне внутреннего времени, истории самой системы бифуркация может выглядеть как мгновенный акт. В подобных ситуациях замедленных бифуркаций открывается возможность предвидеть ее результат после вхождения системы в это состояние и даже влиять на протекание данного процесса, поскольку установление новых доминирующих типов взаимодействий происходит по-

степенно, чаще всего в локальных подсистемах, которые становятся элементарными носителями данного типа взаимодействия. Их анализ может помочь спроецировать тенденции на всю систему в целом, построив на этой основе ее прогнозную модель.

Завершая этот раздел, отметим следующее. Полагаем, что есть достаточные основания для того, чтобы позиционировать методологию информационно-аналитической деятельности на теоретической базе современной практической философии. Этот методологический инструментарий позволяет также кульминировать этическую и культурно-историческую доминанту социального бытия и рассматривать ее в качестве основы познания и последующей преобразующей деятельности. Вместе с тем система этих оснований позволяет сформировать на ее базе критерии, с помощью которых возможна оценка объективности получаемых знаний и их инструментальной ценности.

Кроме того, инструментарий практической философии обуславливает необходимость включения в структуру оснований информационно-аналитической деятельности следующих основных методологических принципов: конкретности, объективности, достоверности, историзма, развития, а также их синергетических следствий. Более подробное, предметно акцентированное раскрытие и аргументацию названных методологических императивов и принципов мы осуществляем в следующем разделе.

§ 2. Методологический субстрат информационно-аналитической деятельности

Информационная аналитика в современном мире – это продукт ряда конструктивных, созидательных общецивилизационных тенденций, характеризующих развитие человеческого сообщества на рубеже веков и тысячелетий: процесса глобализации, тенденции к формированию приоритетов устойчивого развития общества средствами его информационного насыщения. Все эти сложные процессы порождают интенсивные информационные потоки, информационные всплески, отражающие противоречивый характер их взаимодействия.

В связи с данными явлениями был востребован новый информационный режим, который был реализован в значительном по масштабам секторе мирового информационного пространства. Его приметам стали эффект «*Global village*», глобализация информационных взаимодействий и появление не менее глобальных социально-информационных технологий управления и самоуправления в социуме.

Сущность понятия «новый информационный режим» заключается, прежде всего, в качественно ином уровне интеллектуализации информационного пространства, необходи-

мом для устойчивого развития общества, повышения меры его управляемости, нейтрализации фактора стохастичности развертывания социальных процессов. Цель интеллектуализации заключается в создании системы производства и передачи на входы управляющих блоков социума смылосодержащей (инструментальной) информации, максимально отвечающей задаче формирования и принятия управленческих решений¹¹⁶.

Рассматривая, таким образом, признаки информационной аналитики, мы выделили в ее современной структуре базовую функцию – *управленческую*. Под *управлением* мы понимаем такую организацию процесса, которая направлена на достижение поставленной цели при наличии определенной информации о возможностях и технологии целедостижения. *Информация* в данном случае выступает как необходимый *ресурс* и *средство* управленческой деятельности, так как с ее помощью можно оценить состояние процесса и выделить его особенности, позволяющие принять адекватное решение, обуславливающее бесконфликтный переход процесса или явления в новое качественное состояние.

Информационная аналитика при этом реализует свою потенцию в получении новых знаний и информации с использованием своего главного инструмента – анализа. Таким образом, мы констатируем факт наличия одной из качественных сторон любой аналитической процедуры, которой является *познание*.

Но анализ сам по себе как познавательный процесс в системе информационно-аналитической деятельности недостаточен для решения всего комплекса задач. Он позволяет ответить на вопрос о стоянии предмета, но не дает информации о том, что необходимо сделать, чтобы изменить характер его развития в требуемом направлении. Поэтому анализ в системе ИАД приводит к законченному и продуктивному результату лишь тогда, когда он завершается разработкой рекомендаций, призванных изменить состояние предмета (явления, процесса). А рекомендации, если они приняты и становятся основой реальной деятельности, в конечном итоге преобразуют предмет, придавая ему новое качество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.